

ТЫ

УМЕЕШЬ

ХРАНИТЬ

СЕКРЕТЫ?

СОФИ
КИНСЕЛЛА

ЧИТАЙТЕ
КНИГУ,
СМОТРИТЕ
ФИЛЬМ

Софи Кинселла

А ты умеешь хранить секреты?

Серия «Романы для хорошего настроения. Софи Кинселла»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132601

А ты умеешь хранить секреты? / Софи Кинселла: АСТ: Астрель;

Москва; 2019

ISBN 978-5-04-100397-5

Аннотация

Эмма похожа на каждую девушку в мире. И, как у каждой девушки, у нее есть несколько секретов, которыми она не поделилась бы ни с кем. Вот только Эмма попала в зону турбулентности в самолете и даже сама не заметила, как от страха выболтала все симпатичному незнакомцу с соседнего кресла. Конечно, Эмма выжила и на следующее утро отправилась знакомиться с генеральным директором мегакорпорации, в которой работает. И когда она подняла глаза, тут же чуть не хлопнулась в обморок... перед ней стоял красавец из самолета!

Что он будет делать с ее секретами? Эмма в ужасе, ведь босс теперь знает каждую ее унизительную тайну.

Ранее книга выходила под названием «Ты умеешь хранить секреты?»

Содержание

1	6
2	28
3	46
4	58
5	77
6	105
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Софи Кинселла

А ты умеешь хранить секреты?

*Посвящается Х.,
от которого у меня нет секретов.
Ну, или не слишком много.*

*Большое спасибо Марку Хедли, Джени Бонд,
Рози Эндрюс и Оливии Хейвуд за их великодушные
советы.*

*И, как всегда, огромная благодарность Линде
Эванс, Патрику Плонкингтон-Смайту, Араминте
Уитли и Селии Хейли, моим друзьям и советчикам.*

1

Конечно, у меня есть секреты.

Еще бы! У каждого имеется хоть парочка секретов. Совершенно нормальное явление. Уверена, что у меня их не больше, чем у любого другого.

Я имею в виду не глобальные, эпохальные секреты. Не типа «президент-задумал-бомбить-Японию- и-только-Уилл-Смит-способен-спасти-мир». Всего лишь обычные, банальные, маленькие секреты. Вроде тех, что я могу перечислить с ходу и наугад, не слишком копаясь в памяти:

1. Моя сумочка от Кейт Спейд – подделка.

2. Я люблю сладкий херес – самый отстойный напиток во Вселенной.

3. Понятия не имею, за что ратует НАТО. И вообще, что это такое.

4. Мой вес 58 килограммов, а не 52 килограмма, как считает мой бойфренд Коннор.

5. Я всегда считала, что Коннор чем-то смахивает на Кена. Того самого, приятеля Барби.

6. Иногда, прямо в момент страсти в постели, меня так и подмывает рассмеяться.

7. Я лишилась девственности с Дэнни Нусбаумом в спальне для гостей, пока мама и папа внизу смотрели по телевизору «Бен Гура».

8. Я уже выпила вино, которое отец велел мне хранить двадцать лет.

9. Сэмми, золотая рыбка моих родителей, совсем не та самая золотая рыбка, за которой папа и мама просили меня присмотреть, когда уезжали в Египет.

10. Когда моя коллега Артемис доводит меня до белого каления, я поливаю ее растение апельсиновым соком (то есть фактически каждый день).

11. Однажды мне приснился совершенно бредовый лесбийский сон насчет Лиззи, моей соседки по квартире.

12. Мои стринги врезаются в кожу.

13. В глубине души я всегда свято верила, что отличаюсь от окружающих, что не такая, как все, и что вот-вот, прямо за углом, меня ждет новая, волнующая жизнь.

14. Понятия не имею, о чем распространяется этот тип в сером костюме.

15. И вообще напрочь забыла его имя.

А ведь впервые я увидела его всего десять минут назад.

– Мы верим в созидательные союзы, построенные по законам логистики, – дребезжит он гнусавым, монотонным голосом, – и стараемся не отступать от них.

– Да, конечно, – жизнерадостно киваю я, словно призывая всех и каждого поддержать оратора.

«Логистика». Это еще что за штука?

О боже! Что, если меня спросят?

Не дури, Эмма. С чего это они вдруг потребуют объяс-

нить, что означает слово «логистика», меня, такого же специалиста по маркетингу? Да я просто по определению обязана знать подобные вещи.

Но если в разговоре еще раз всплывет это слово, я тут же сменю тему. Или скажу, что я лучше разбираюсь в постлогистике, или придумаю еще что-нибудь в этом роде.

Сейчас самое главное выглядеть уверенной и деловой. Уж это я смогу. Раз мне выпал такой редкий шанс, я его не профукаю.

Я сижу в офисе штаб-квартиры «Глен ойл» в Глазго и любуюсь своим отражением в оконном стекле. Выгляжу я классно – просто топ-бизнесвумен. Волосы выпрямлены, в ушах скромные серьги, в точности как советуют носить в статьях «Как-получить-престижную-работу», и еще на мне шикарный новый костюм. (Вернее, практически новый. Я купила его в благотворительном магазине, пришила пуговицу взамен потерянной, так что ни в жизнь не отличить!)

Здесь я представляю «Пэнтер корпорейшн», то есть фирму, где работаю. Это совещание должно окончательно узаконить соглашение о продвижении на рынок нового клюквенного энергетического напитка «Пэнтер прайм» между нашей фирмой и «Глен ойл», и я только сегодня специально прилетела из Лондона, за счет компании, конечно.

Как только я появилась, маркетинговые типы из «Глен ойл» затеяли одну из своих длинных выпендренных «кто-путешествовал-больше» бесед о воздушных милях и новом

ночном рейсе в Вашингтон. Я тоже принялась врать, и, по моему, вполне убедительно, если не считать того, что заявила, будто летала в Оттаву на «Конкорде». Прозвучало это солидно, хотя позже оказалось, что «Конкорд» не летает в Оттаву. Но, по правде говоря, мне впервые пришлось путешествовать куда-то по делам.

О'кей. Если уж совсем честно, это первая сделка, в которой я участвую. Точка. Одиннадцать месяцев я проработала в «Пэнтер корпорейшн» ассистентом службы маркетинга, и до этих пор мне всего-навсего милостиво позволяли распечатывать копии документов, оповещать других сотрудников о совещаниях, бегать за сэндвичами и брать вещи босса из химчистки.

Так что сегодняшнее задание – что-то вроде большого прорыва. Я питаю крохотную тайную надежду, что, если все пройдет хорошо, меня, возможно, и повысят. Объявление насчет моей вакансии гласило: «Возможность повышения по истечении года», а в понедельник у меня ежегодная аттестация, которую обычно проводит мой босс Пол. Я просмотрела раздел «Аттестации» в руководстве для служащих компании, и там было сказано, что это «идеальная возможность для обсуждения вероятных перспектив карьерного роста».

Карьерный рост!

При мысли об этом я ощущаю в груди знакомый укол самолюбия. Все же покажу отцу, что я не конченная неудачница. И маме. И Керри. Представляете, заявляюсь я домой и этак

небрежно бросаю: «Кстати, меня повысили. Теперь я полноценный специалист по маркетингу».

Эмма Корриган, руководитель службы маркетинга.

Эмма Корриган, старший вице-президент службы маркетинга.

Если сегодня все пройдет как надо. Пол сказал, что условия сделки обговорены, все улажено и мне остается только кивать, пожимать руки, а на такое способна даже я. И пока, похоже, волноваться нет причин.

Конечно, я действительно не врубаюсь в смысл их рассуждений, то есть не понимаю примерно девяносто процентов того, что здесь говорится. Впрочем, я не понимала ровно столько же французских слов на устном выпускном экзамене в школе и все же получила В.

– Смена марки... анализ... рентабельность...

Мужчина в сером костюме все еще нудит по поводу неизвестно чего. Я, по возможности незаметно, подвигаю ноготком его визитку и вытягиваю шею.

Дуг Гамильтон. Ну да, верно. О'кей, это я вполне могу запомнить. Дуг. Дуга. Легко.

Я представляю тонкую дужку сережки. Вместе с «гам». Шум-гам... который утонул в иле... и...

Нет, лучше просто записать.

Я записываю в блокноте: «Смена марки», «Дуг Гамильтон» – и неловко ерзаю на стуле. Господи, до чего же трусы неудобные! Черт, стринги даже в лучшем случае нельзя на-

звать удобными, но эти просто кошмар. Вообще-то, это вполне естественно, ведь они на два размера меньше, чем нужно. Их же покупал Коннор. Он и сказал продавщице, что я вешу 52 килограмма. Вот она и решила, что у меня должен быть восьмой размер. Восьмой!

(Лично я считаю, что это она от злости. Должно быть, догадалась, что я приврала.)

Представьте: сочельник, мы обмениваемся подарками, я разворачиваю свой и вижу шикарные светло-розовые шелковые трусы. Восьмого размера. И у меня, в сущности, два выхода.

1. Честно признаться: «Видишь ли, они мне малы. У меня скорее двенадцатый. И кстати: я вешу не 52 килограмма».

Или...

2. Втиснуть себя в трусы.

Впрочем, последнее оказалось не так уж и трудно. Красные рубцы на коже почти не были видны... потом. И это означало одно: придется быстренько срезать с одежды все этикетки, чтобы Коннор ни о чем не пронюхал.

Стоит ли говорить, что после этого я почти не носила его роскошный подарок. Но стоит мне увидеть стринги в комод, такие шикарные и дорогие, как я думаю: «Да брось, не могут же они быть такими уж тесными», – и каким-то образом впихиваюсь в них. Сегодня утром, в очередной раз проделав эту процедуру, я даже решила, что, должно быть, похудела, поскольку особого неудобства не ощутила.

Уж такая я оптимистичная кретинка.

— ...к сожалению, поскольку смена марки... иная концепция... новый подход... переоценка политики... чувствуем, что нам необходимо рассмотреть альтернативную деятельность...

До этой минуты я только сидела и кивала, воображая, что все идет как по маслу. Плевое дело эти бизнес-совещания. Но голос Дуга Гамильтона постепенно начинал проникать в подсознание. Что он там бормочет?

— ...два совершенно различных продукта... становятся несовместимыми...

Что там насчет несовместимости? Что там насчет переоценки политики?

И тут мне становится как-то тревожно. А вдруг это не просто треп? Может, он на самом деле что-то дельное говорит? Быстро, быстро, слушай.

— Мы ценим функциональное и продуктивное партнерство, так много давшее в прошлом и «Пэнтер», и «Глен ойл», — продолжает Дуг Гамильтон. — Но все мы согласны с тем неоспоримым фактом, что в последнее время фирмы избрали различные направления.

Различные направления?

Так он об этом толковал все время?

У меня в желудке что-то сжимается. Потом дергается.

Не может же он...

Неужели он пытается уклониться от сделки?

– Простите, Дуг, – вмешиваюсь я с самым непринужденным видом. – Поверьте, я крайне внимательно следила за ходом вашей мысли... – Следует дружелюбная «мы-профессионалы-должны-держаться-вместе» улыбка. – Но не могли бы вы... еще раз изложить ситуацию для большей ясности?

«Только на обычном английском», – мысленно умоляю его я.

Дуг Гамильтон и второй тип переглядываются.

– Видите ли, нам не слишком нравится ваша ориентация.

– Моя ориентация? – в панике переспрашиваю я.

– Ориентация марки продукта, – поясняет он, взирая на меня с несколько странным видом. – Как я уже объяснял, мы в «Глен ойл» изменяем марку и видим наш новый имидж другим. Продукт, который мы продвигаем, должен быть «ухаживающим за машиной», можно сказать, должен беречь ее. Я, конечно, имею в виду бензин. Этому и соответствует наш новый логотип с нарциссами. И мы считаем, что «Пэнтер прайм», с его упором на спорт и элемент состязательности, чересчур агрессивен.

– Агрессивен? – Я просто ошарашена. – Но... но это фруктовая вода.

Что за чушь? «Глен ойл» производит вонючий, быстро испаряющийся, портящий экологию бензин. А «Пэнтер прайм» – невинный напиток с клюквенным вкусом. Как он может быть чересчур агрессивным?

– Имеются в виду ценности, которые с его помощью про-

поведуются. – Дуг тычет пальцем в рекламные брошюры на столе. – Драйв. Элитарность. Мужественность. Да и сам слоган «Не останавливайся!» кажется несколько устаревшим. – Гамильтон пожимает плечами. – Мы, видите ли, не думаем, что совместная акция возможна.

Нет. Нет. Это происходит не со мной. Немыслимо. Он не может дать задний ход!

Все в офисе решат, что это моя вина. Подумают, будто я все провалила, а значит, я полное дерьмо.

Мое сердце готово выскочить из груди. Щеки горят. Я не могу допустить провала. Но что сказать? Я вообще не готовилась к этому совещанию. Пол твердил, что все улажено и мне останется только всем пожать руки.

– Прежде чем принять окончательное решение, мы, несомненно, все обсудим еще раз, – заявляет Дуг, сдержанно мне улыбаясь. – И, как уже было сказано, мы хотели бы продолжить сотрудничество с «Пэнтер корпорейшн», так что в любом случае это была полезная встреча.

Он отодвигает стул.

Я не могу позволить ему ускользнуть! Нужно попробовать убедить их! Склонить на свою сторону. Закрыть сделку.

То есть, я хотела сказать, завершить сделку.

– Погодите! – слышу я собственный голос. – Минутку. Я еще не высказалась. Хотелось бы привести вам кое-какие аргументы.

О чем это я? Нет у меня никаких аргументов.

На столе стоит банка «Пэнтер прайм», и я хватаюсь за нее в поисках вдохновения. Пытаясь выиграть время, встаю, выхожу на середину комнаты и поднимаю банку повыше, чтобы все ее видели:

– «Пэнтер прайм»... напиток для спортсменов.

Я запинаюсь. Все вежливо молчат. Мое лицо покалывают сотни иголочек. Просто нервный зуд какой-то.

– Я... э... он очень...

О господи! Что я делаю?

Давай, Эмма, Думай. Думай... «Пэнтер прайм»... Думай. «Пэнтер-кола»... Думай... Думай!..

Да! Конечно!

Отлично, все сначала.

– С самого появления напитка «Пэнтер-кола» в конце восьмидесятых продукция «Пэнтер» стала символом энергии, энтузиазма и совершенства! – выпаливаю я.

Слава богу! Это стандартная рекламная аннотация «Пэнтер-колы». Я печатала ее столько миллиардов раз, что могу повторить даже во сне.

– Напитки «Пэнтер» – это маркетинговый феномен, – продолжаю я. – Эмблема «Пэнтер» – одна из наиболее узнаваемых во всем мире, а классический слоган «Не останавливайся!» даже попал в словари. И теперь мы предлагаем компании «Глен ойл» уникальную возможность выступить вместе с этой первоклассной, всемирно известной маркой.

По мере того как растет уверенность, я начинаю расхажи-

вать по комнате, размахивая банкой.

– Покупая тонизирующий напиток «Пэнтер», потребитель демонстрирует окружающим, что выбирает самое лучшее. – Я резко хлопаю ладонью по банке. – И следовательно, в свою очередь, ожидает лучшего от своего энергетического напитка, лучшего от бензина и лучшего от самого себя!

Я парю! Я фантастична! Потрясающа! Если бы Пол видел меня в эту минуту, он тут же повысил бы меня в должности!

Я подступаю к столу и смотрю Дугу Гамильтону прямо в глаза:

– Открывая эту банку, потребитель делает выбор, говорящий всему миру, кто он есть на самом деле. И я прошу «Глен ойл» сделать такой же выбор.

С этими словами я ставлю банку в центр стола, тянусь к колечку и с хладнокровной улыбкой дергаю за него.

Это очень похоже на извержение вулкана.

Шипучий клюквенный напиток с шумом вырывается из банки, разливается по столу, окрашивая документы и бумаги в ярко-красный цвет, и... нет, пожалуйста, только не это... фонтаном бьет в лицо Дугу Гамильтону.

– Мать твою! – ахаю я. – Ой, мне, конечно, очень жаль...

– Иисусе, – раздраженно цедит Дуг Гамильтон, поднимаясь и доставая из кармана платок. – Эта штука оставляет пятна?

– Э... – беспомощно бормочу я, вцепившись в банку, – не знаю.

– Сейчас принесу салфетку! – восклицает другой тип, поспешно вскакивая.

Дверь за ним закрывается, и воцаряется тишина, прерываемая только стуком капель клюквенного напитка, медленно падающих на пол.

Я таращусь на Дуга Гамильтона. Лицо пылает, в ушах стучит кровь.

– Пожалуйста, – выдавливаю я хрипло и откашливаюсь, – не говорите моему боссу.

Вот и все. Я провалила дело.

Едва волоча ноги по вестибюлю аэропорта Глазго, я чувствую себя совершенно опустошенной. Правда, под конец Дуг Гамильтон был настоящим лапочкой. Сказал, мол, совершенно уверен, что пятно отойдет, и пообещал не выдавать меня Полу. К сожалению, насчет сделки он не передумал.

Мое первое серьезное задание. Первый серьезный шанс – и вот как вышло. Мне хочется все бросить. Позвонить в офис и сказать: «Это все. Конец. Я больше никогда не вернусь, и, кстати, на этот раз именно я сломала ксерокс».

Но я не могу. Это мое третье место за четыре года. Должно же хоть на этот раз получиться! Это важно для самооценки. Для моего самоуважения. И еще потому, что я должна папе четыре штуки.

– Итак, что вам принести? – спрашивает бармен, по виду

австралиец, и я непонимающе смотрю на него. Я приехала в аэропорт на час раньше и сразу же отправилась в бар.

— Гм... — В голове пустота. — М-м... белого вина. Нет, лучше водки с тоником. Спасибо.

Едва он отходит, я снова оседаю на табурет. Подходит стюардесса с заплетенной по-французски косой и садится через два табурета от меня. Улыбается мне, и я слабо улыбаюсь в ответ.

Не представляю, как другие ухитряются делать карьеру. Я не из таких. Взять хотя бы мою лучшую подругу Лиззи. Она всегда знала, что хочет стать адвокатом, и теперь — трам-пам-пам! — она юрист, ведущий дела, связанные с разными там махинациями. Но я окончила колледж, абсолютно не зная, куда потом податься. Сначала я работала в агентстве недвижимости, и пошла туда только потому, что всегда любила рассматривать обстановку чужих домов, да еще встретила на ярмарке вакансий женщину с потрясающими ярко-красными ногтями, которая рассказывала, будто сколотила такое состояние, что к сорока годам смогла отойти от дел.

Но я возненавидела это занятие с первой же минуты. Возненавидела всех остальных агентов-стажеров. И невзлюбила некоторые профессиональные приемчики. Например, если кто-то говорил, что может позволить себе дом за триста тысяч, нам полагалось немедленно подсовывать ему описания домов не меньше чем за четыреста и при этом задираать нос, мол, как, у тебя всего триста тысяч? Ну, дорогой, да ты

просто неудачник!

Поэтому через полгода я объявила, что меняю профессию и собираюсь стать фотографом. Это был фантастический момент! Точно как в кино или что-то в этом роде. Папа одолжил мне денег на курсы фотографии и камеру, и я собиралась начать потрясающую творческую карьеру. И это должно было стать началом моей новой жизни...

Да только все вышло не совсем так.

Ну, для начала: вы имеете хоть какое-то представление, сколько платят ассистенту фотографа?

Ничего. Совсем ничего!

При этом, заметьте, я не стала бы возражать, предложи мне кто-нибудь на самом деле должность ассистента фотографа.

Я выпускаю тяжкий вздох и смотрю на свое несчастное лицо в зеркале за стойкой бара. В довершение несчастий мои волосы, старательно выпрямленные сывороткой сегодня утром, уже успели скрутиться в мелкие колечки. Чего и следовало ожидать.

Что ж, по крайней мере не я одна ничего не добилась. Из восьми студентов моей группы один тут же стал знаменитым и теперь делает снимки для «Вог» и еще кучи модных журналов, один стал свадебным фотографом, одна завела роман с преподавателем, один отправился путешествовать, одна родила ребенка, один работает в «Снэппи Снэпс», а последний – в «Морган Стенли».

А я тем временем все больше и больше влезала в долги и принялась подрабатывать в разных местах и одновременно искать фирму, где бы действительно платили. Так одиннадцать месяцев назад я стала референтом службы маркетинга в «Пэнтер корпорейшн».

Бармен ставит передо мной водку с тоником и окидывает любопытным взглядом.

– Выше нос! – советует он. – Не так уж все плохо.

– Спасибо, – благодарно выдыхаю я и делаю первый глоток.

Сразу становится немного легче. На втором глотке звонит мой мобильник.

Желудок делает нервное сальто. Если это из офиса, приворюсь, что не слышала.

Но нет – на маленьком дисплее мигает мой домашний номер.

– Привет, – говорю я, нажимая зеленую кнопку.

– При-и-иветик, – слышится голос Лиззи. – Это всего лишь я! Ну, как все прошло?

Лиззи – моя соседка по квартире и самая старая на свете подруга. У нее непослушные темные волосы, ай-кью около шестисот, и лучшего, чем она, человека я не знаю.

– Просто жуть, – шмыгаю я носом.

– Что случилось? Сделка сорвалась?

– Сорвалась. И к тому же я залила директора службы маркетинга «Глен ойл» чертовым клюквенным напитком.

В этот момент я замечаю, как стюардесса пытается скрыть улыбку, и предательски краснею. Полный абзац! Теперь о моих похождениях узнает весь мир!

– О господи!

Я почти ощущаю, как Лиззи пытается придумать что-то позитивное.

– Что ж, по крайней мере тебе удалось привлечь их внимание, – изрекает она наконец. – Они не так легко тебя забудут.

– Полагаю, ты права, – мрачно отвечаю я. – Мне звонили?

– О! Хм... нет. То есть твой папа действительно звонил, но э... знаешь... это не... – уклончиво бормочет она.

– Лиззи! Что ему надо?

Молчание.

– Похоже, твоя кухня получила какую-то премию, то ли за трудолюбие, то ли за усердие, не поняла толком, – снова извиняясь, объясняет она. – Они собираются отметить это дело в субботу, одновременно с днем рождения твоей мамы.

– Вот как? Класс.

Я растекаюсь на табурете, как перестоявшее тесто. Только этого не хватало! Моя кухня Керри будет триумфально потрясать серебряным кубком с надписью «Лучшему-турагенту-в-мире-с-пожеланием-стать-лучшим-во-Вселенной».

– Коннор тоже звонил – узнать, как у тебя дела, – поспешно добавляет Лиззи. – Такой милый. Сказал, что не хочет звонить тебе по мобильному во время совещания – вдруг по-

падет не вовремя.

– Правда?

Впервые за сегодняшний день я немного веселею.

Коннор. Мой бойфренд. Мой чудесный заботливый бойфренд.

– Он такой зайчик, – продолжает Лиззи. – Сказал, что весь день пробудет на важном заседании, но специально отменил игру в сквош на случай, если захочешь поужинать сегодня в ресторане.

– О да, – задыхаюсь я от восторга. – Это было бы неплохо. Спасибо, Лиззи.

Я отключаюсь, делаю очередной глоток, чувствуя себя несравнимо лучше.

Мой бойфренд.

Как верно сказала Джулия Эндрюс, «когда собака кусает, когда пчела жалит...», я просто вспоминаю, что у меня есть бойфренд, и все внезапно перестает казаться таким уж дерьмом.

Или как там еще она выразилась.

Да, и не просто какой-то бойфренд. Высокий, красивый, умный бойфренд, которого «Маркетинг уик» назвала одной из ярчайших звезд современных маркетинговых исследований.

Я сижу, вертя в руке бокал с водкой, позволяя утешительным мыслям о Конноре вытеснить из головы все остальные. Думаю о том, как его светлые волосы блестят на солнце. О

его неизменной улыбке. И о том, как вчера он без всяких просьб обновил все программы на моем компьютере, и о том, как он... он...

И на этом все. В голове абсолютная пустота. Что за вздор! То есть, конечно, Коннор – настоящее чудо. И в нем так много хорошего. Начиная хотя бы с... его длинных ног. Да. И широких плеч. Не говоря уж о том, как он ухаживал за мной, когда я свалилась с гриппом. Многие ли бойфренды отважились бы на такое? Вот именно.

Я такая счастливая! Да, мне повезло. Правда-правда.

Я прячу телефон, наскоро приглаживаю волосы и смотрю на часы за стойкой бара. До вылета сорок минут. Не так уж и много. Нервные окончания зудят, как миллионы крохотных насекомых, и я наспех глотаю остатки водки с тоником.

– Все будет хорошо, – повторяю я себе в тысячный раз. – Все будет прекрасно.

Мне нечего опасаться. Просто... просто... Ладно, скажу честно: я перепугана до смерти.

16. Я боюсь летать.

Этого я никогда никому не говорила. Уж очень жалко звучит. То есть это вовсе никакая не фобия или что-то вроде того. Мне не становится плохо в самолете, но... при прочих равных я предпочла бы остаться на земле.

Раньше со мной такого не было, но за последние несколько лет я постепенно распустилась. Хотя знаю, что это совер-

шенная глупость. Сотни и сотни людей летают ежедневно, и это даже безопаснее, чем просто лежать в постели. У вас меньше шансов разбиться, чем... чем найти в Лондоне мужчину, и тому подобное.

Но все же мне это не нравится.

Может, не помешало бы попросить еще водки с тоником?

К тому времени как объявляют мой рейс, я успела повторить заказ дважды и теперь смотрю на мир куда оптимистичнее. Конечно, Лиззи права. По крайней мере я произвела впечатление, так ведь? По крайней мере они меня запомнили.

Направляясь на посадку с портфелем в руках, я снова чувствую себя почти уверенной, удачливой бизнес-леди. По пути ловлю улыбки встречных, и сама широко улыбаюсь, ощущая теплый прилив дружелюбия. Вот видите, мир действительно не так уж плох. Главное – позитивный взгляд на вещи. В жизни все случается, верно? Никогда не знаешь, что ждет за углом.

Я подхожу к самолету, и у входа, собирая посадочные талоны, стоит стюардесса с косой. Это она недавно сидела в баре.

– Еще раз привет! – улыбаюсь я. – Вот это совпадение!

Стюардесса смотрит на меня как на помешанную.

– Привет. Э...

– Что?

Почему у нее такой сконфуженный вид?

– Простите... разве вы не заметили?

Она смущенно показывает на мою грудь.

– Что там? – вежливо спрашиваю я, опуская глаза и в ужасе застываю.

Шелковая блузка каким-то образом расстегнулась, пока я шла по залу. Сразу три пуговицы! Края разошлись, выглядит лифчик. Мой розовый кружевной лифчик. Тот самый, который немного полинял после стирки.

Так вот почему все мне улыбались! Не потому, что мир прекрасен, а потому что я – Женщина В Линялом Розовом Лифчике.

– Спасибо, – бормочу я, неуклюже возясь с пуговицами.

Лицо горит от стыда и унижения.

– Сегодня не ваш день, верно? – сочувственно спрашивает стюардесса, протягивая руку за посадочным талоном. – Простите, я случайно подслушала ваш разговор.

– Все тип-топ, – бормочу я, выдавливая улыбку. – И вы правы, это не самый счастливый день в моей жизни.

– Вот что, – тихо говорит она, – не хотите место получше?

– Это как? – тупо переспрашиваю я.

– Все очень просто. Вы заслужили небольшую передышку.

– Правда? Но... не можете же вы вот так просто пересаживать людей?

– Можем. Если есть свободные места. Мы предпочитаем об этом не распространяться. Да и полет такой короткий. –

Она заговорщически подмигивает и шепчет: – Только никому не рассказывайте, ладно?

Она ведет меня в передний салон и указывает на большое широкое удобное кресло. Мне еще в жизни ничего не улучшали! Поверить невозможно, что она действительно пустила меня сюда!

– Это первый класс? – интересуюсь я, жадно впитывая атмосферу ненавязчивой роскоши. Справа от меня мужчина в дорогом костюме что-то печатает на ноутбуке, две пожилые женщины в углу надувают подушки.

– Бизнес-класс. На этом рейсе нет первого класса, – говорит стюардесса уже обычным голосом. – Вам удобно?

– Лучше не бывает! Огромное вам спасибо.

– Без проблем.

Она снова улыбается и отходит. Я заталкиваю портфель под переднее сиденье.

Вот это да! Уж повезло так повезло. Удобные сиденья, подставки под ноги и все такое! «Похоже, меня ждет приятное путешествие, от начала и до конца», – говорю я себе, как ни в чем не бывало застегивая ремень и пытаюсь игнорировать неприятное щекочущее ощущение в животе.

– Хотите шампанского?

Это новая приятельница-стюардесса лучезарно улыбается мне.

– С удовольствием. И еще раз спасибо, – киваю я.

– А для вас, сэр? Шампанского?

Мой сосед даже не поднял глаза. На нем джинсы и старый свитер, и он упорно смотрит в окно. И только когда, отвечая, поворачивается, я успеваю рассмотреть темные глаза, недельную щетину и глубокую морщину на лбу.

– Нет, спасибо. Только бренди. Спасибо, – отвечает он сухо, с американским акцентом.

Я уже хочу вежливо осведомиться, откуда он родом, но сосед тут же отворачивается и снова таращится в окно. Вот и хорошо, потому что, если честно, я тоже не в настроении вести светские беседы.

2

Ладно. Если честно, мне тут не нравится.

Я знаю, что это бизнес-класс. Знаю, что никогда еще не летала в такой роскоши. Но в животе по-прежнему ворочается тугой ком страха.

Пока мы взлетали, я медленно считала с закрытыми глазами, и это вроде как сработало. Но на «триста пятьдесят» я выдохлась. Так что теперь просто сижу, попиваю шампанское и читаю статью в «Космо» «Тридцать дел, которые нужно успеть совершить до тридцатилетия». Я старательно изображаю невозмутимую деловую женщину, важную шишку, директора службы маркетинга, для которой бизнес-класс – дело привычное. Но, господи, почему я вздрагиваю от малейшего шума? Почему от каждого толчка перехватывает дыхание?

Стараясь сохранять внешнее спокойствие, я тянусь к заламинированной инструкции по безопасности и пробегаю ее глазами: «...запасные выходы... кислородные маски... Если возникнет необходимость в спасательных жилетах, помогите сначала старикам и детям...» О господи...

Почему я вообще читаю все это? Неужели мне легче от созерцания маленьких фигурок, прыгающих в океан на фоне горящего самолета?

Я поспешно сую инструкции в кармашек и глотаю шам-

панское.

– Прошу прощения, мадам.

У моего кресла возникает другая стюардесса, с рыжими локонами.

– Деловая поездка?

– Да, – киваю я, гордо приглаживая волосы. – Совершенно верно.

Она вручает мне брошюрку «Услуги для руководства» с яркой фотографией, где изображена группа бизнесменов, оживленно беседующих перед доской с каким-то пестрым графиком.

– Это информация о нашем новом салоне бизнес-класса в Гатуике. Мы предоставляем все услуги для устройства конференций, а также совещательные комнаты, если потребует-ся. Вас это наверняка заинтересует.

О'кей. Я топ-бизнесвумен. Я руководитель высокого полета.

– Вполне возможно, – небрежно бросаю я, искоса глядя на брошюрку. – Да... вполне возможно, мне понадобится одна из таких комнат для инструктажа. У меня большая команда, которой, естественно, необходим инструктаж. Вопросы бизнеса, знаете ли... – Я откашливаюсь. – В основном... связанные с логистикой.

– Не желаете зарезервировать комнату сейчас? – услужливо предлагает стюардесса.

– Э... нет, спасибо, – заикаюсь я после небольшой паузы.

зы. – Моя команда в настоящее время... дома. Я всем дала выходной.

– Вот как?

У стюардессы несколько озадаченный вид.

– Возможно, в другой раз, – поспешно заверяю я. – И пока вы здесь... скажите, этот звук... он нормальный?

– Какой именно?

Стюардесса склоняет голову и прислушивается.

– Этот самый. Что-то типа завываний со стороны крыла.

– Я ничего не слышу, – заверяет стюардесса, участливо глядя на меня. – Вам не по себе?

– Нет! – выкрикиваю я с нервным смешком. – Нет, я в порядке. Просто спросила. Исключительно из интереса.

– Попытаюсь узнать, – любезно отвечает она. – А вы, сэр? Не хотите ознакомиться с информацией об услугах для руководителей в Гатуике?

Американец молча берет брошюрку и тут же, не глядя, откладывает. Стюардесса отходит, слегка спотыкаясь, когда самолет проваливается вниз.

Почему он проваливается вниз?

О господи! Волна страха внезапно покрывает меня с головой. Это безумие. Безумие!!! Сидеть в этой тяжелой коробке, не имея возможности вырваться на волю, в тысячах и тысячах футов над землей...

Сама я не справлюсь. И вдруг чувствую непреодолимое желание поговорить с кем-то, способным успокоить, обод-

ритель.

Коннор.

Я инстинктивно выуживаю свой мобильник, но рядом мгновенно возникает стюардесса.

– Извините, у нас на борту нельзя пользоваться мобильным телефоном, – сообщает она с сияющей улыбкой. – Не могли бы вы убедиться, что он отключен?

– О... простите.

Ну конечно, тут нельзя пользоваться мобильником. Об этом мне говорили всего лишь пятьдесят пять миллиардов раз. Но такая уж я безмозглая дура. Впрочем, не важно. Я в порядке.

Убираю мобильник в сумочку и стараюсь сосредоточиться на эпизоде из «Башен Фолти».

Может, стоит снова начать считать? Триста сорок девять, триста пятьдесят. Триста пятьдесят о...

Черт! Моя голова дергается. Почему самолет опять провалился? Неужели столкновение?!

О'кей, не буду паниковать. Это лишь воздушная яма. Уверена, что все лучше некуда. Мы, возможно, натолкнулись на голубя, или что-то в этом роде. Так, на чем я остановилась?

Триста пятьдесят один, триста пятьдесят два, триста пятьдесят...

И все рушится. Вот оно! Тот самый момент. Действительность распадается на осколки.

Над моей головой волнами проносятся крики еще до того,

как я осознаю, что происходит.

О боже! О боже, о боже, о боже, о боже, ой. ОЙ! НЕТ. НЕТ. НЕТ.

Мы падаем. О боже, мы падаем.

Летим носом вниз. Самолет как камень разрезает воздух. Вон того мужчину только сейчас подбросило и ударило головой о потолок. Лицо залито кровью. Я задыхаюсь, вцепившись в подлокотники и стараясь не подскочить. Но меня упрямо тянет вверх, будто сила тяжести внезапно изменила направление. Времени подумать не остается. Да и голова не работает...

Повсюду разбросаны сумки, из опрокинутых стаканчиков льются напитки, стюардесса упала и хватается за сиденье...

Мать твою!..

О боже, о боже!.. О'кей, кажется, становится потише. Обошлось?!

Я смотрю на американца. Он стискивает подлокотники. Так же судорожно, как и я.

Меня тошнит. То есть вроде как... тошнит. О боже.

Ладно. Похоже... похоже... все образовалось.

– Леди и джентльмены, – доносится голос из динамика, и все дружно вскидывают головы, – с вами говорит капитан.

Сердце трепыхается в груди. Не могу слушать. Не могу думать.

– Мы попали в зону турбулентности, и поэтому попрошу пассажиров немедленно вернуться на свои места и пристег-

нуть ремни безопасности...

Очередной страшный рывок не дает ему договорить. Голос тонет в общих воплях и криках.

Все это как дурной сон. Кошмар с американскими горками.

Бортпроводники торопливо пристегиваются ремнями. Одна стюардесса вытирает с лица кровь. Минуту назад она безмятежно раздавала арахис в меду.

Все это происходит с другими людьми в других самолетах. С людьми в фильмах по технике безопасности.

– Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, – твердит капитан. – Как только мы получим дополнительную информацию...

Сохранять спокойствие?

Да я дышать не могу, не то что сохранять спокойствие.

Что нам делать? Что?! И мы должны просто сидеть здесь, пока самолет брыкается, как взбесившаяся лошадь?!

Кто-то позади читает молитву Богородице, и новый удушливый водоворот паники утягивает меня на дно. Люди молятся. Все это происходит с нами.

Мы умрем.

Мы все умрем.

– Простите?

Сосед-американец смотрит на меня. Лицо белое и напряженное.

Неужели я произнесла это вслух?

– Мы все умрем.

Я смотрю ему в лицо. Наверное, это последний человек, которого я вижу перед гибелью.

Я жадно вбираю глазами морщинки вокруг его темных глаз; решительный, потемневший от щетины подбородок.

Самолет неожиданно снова дергается вниз, и я невольно взвизгиваю.

– Не думаю, что мы действительно умрем, – роняет он. Тогда почему же сам боится отпустить подлокотники? – Говорят, это лишь турбулентность...

– А что еще они могут сказать?! – Я отчетливо слышу истерические нотки в собственном голосе. – Неужели вы ожидали, что они заявят: мол, отлично, люди хорошие, на этом все, вам конец?

Самолет ныряет носом вниз, и я в панике хватаюсь за соседа.

– Нам не выжить. Я точно знаю, не выжить. Это все. Господи, мне только двадцать пять. Я еще не готова. Ничего не достигла. Не рожала детей. Не спасла ничью жизнь...

Взгляд случайно падает на статью «Тридцать дел, которые нужно успеть совершить до тридцатилетия».

– Я ни разу не поднялась на гору. Не сделала тату. Не знаю даже, есть ли у меня точка G.

– Простите, – растерянно повторяет мужчина, но меня уже понесло.

– Моя карьера – полная чушь. Я вовсе не топ-бизнесву-

мен. – Я почти со слезами показываю на свой костюм. – И никакой команды у меня нет. Я всего лишь вшивый ассистент и только что проводила первое настоящее совещание, которое обернулось полным провалом. Я почти не понимала, о чем они вообще говорят. Не знаю, что такое логистика, никогда не получу повышения, должна собственному отцу четыре штуки и никогда по-настоящему не любила...

Я дергаюсь и замолкаю. Что это со мной?

– Простите, – бормочу я, прерывисто вздыхая. – Наверное, вам все это неинтересно.

– Ничего страшного. Все в порядке, – кивает мужчина.

Господи. У меня просто крыша едет.

Кроме того, я наврала с три короба. Сказала, что влюблена в Коннора. Должно быть, на такой высоте мысли путаются.

Я раздраженно откидываю волосы со лба и пытаюсь взять себя в руки. О'кей, придется опять считать. Триста пятьдесят... шесть. Триста...

О боже. О боже! Нет. Пожалуйста...

Самолет снова трясет. Мы летим носом в землю.

– Я никогда не давала повода родителям гордиться мной, – выпаливаю я, прежде чем успеваю прикусить язык. – Никогда.

– Уверен, что это не так, – любезно отвечает сосед.

– Чистая правда. Может, они когда-то и гордились мной, но потом у нас поселилась моя кузина Керри и мои родители словно перестали меня замечать. Видели только ее одну.

Тогда ей было четырнадцать, а мне – десять, и я думала, что нам вместе будет здорово... ну, вы понимаете. Все равно что иметь старшую сестру. Но все сложилось не так...

Не могу остановиться. Просто не могу.

Каждый раз, когда самолет дергается или трясется, из моего рта выливается очередной поток слов, как вода из шланга.

Либо говорить, либо кричать. Третьего не дано.

– ...она была чемпионкой по плаванию и по всему прочему. А я... всего лишь ничто в сравнении...

...курсы фотографии, и я искренне думала, что это изменит мою жизнь...

...58 килограмм. Но я собиралась сесть на диету...

...я пыталась устроиться на любую работу, какая только существует. И так отчаялась, что даже хотела...

...жуткая девица по имени Артемис. Новый письменный стол привезли вчера, а она вот так взяла и внаглую заняла его, хотя я сижу за настоящей развалиной...

...когда Артемис доводит меня до белого каления, я поливаю ее дурацкий паучник апельсиновым соком, только чтобы отомстить...

...милая девушка Кэти, которая работает в отделе кадров. Знаете, мы даже разработали свой секретный код, так что когда она приходит и спрашивает: «Не можем мы просмотреть кое-какие цифры, Эмма?» – на самом деле это означает: «Не удрать ли нам в “Старбакс”?»

...кошмарные подарки, а приходится притворяться, что мне нравится...

...кофе на работе – самая что ни на есть омерзительная бурда, которую в рот не возьмешь, чистая отрава...

...написала в автобиографии, что имею А по математике, хотя в аттестате стоит С. Понимаю, что так нечестно. Конечно, мне не следовало так поступать, но уж очень хотелось получить работу...

Что со мной творится? Обычно какой-то внутренний стопор не дает выкладывать все, что на уме. Держит меня в узде.

Но сегодня стопор сломался. И правда хлещет из меня бурным потоком, и я не могу его остановить.

– ...иногда я вроде верю в Бога, иначе как же еще мы появились? Но потом думаю: да, все так, но как насчет войны и всего такого...

...ношу стринги, но они такие неудобные...

...восьмой размер, и я просто не знала, что делать, поэтому сказала: «Вот это да! Абсолютная фантастика...»

...самое любимое блюдо – жареный сладкий перец...

...вступила в литературный клуб, но так и не смогла одолеть «Большие ожидания». Поэтому пробежала глазами аннотацию и соврала, что дочитала...

...давала Сэмми специальную еду для золотых рыбок. Честное слово, так и не поняла, что случилось...

...стоит только услышать эту песню «Карпентерз» «Рядом с тобой», и я начинаю плакать...

...вправду хотела бы иметь грудь побольше, то есть, конечно, не третий размер, как у безмозглых телок, а... ну, вы понимаете, побольше. Только чтобы понять, каково это бывает...

...идеальный поклонник начинает с шампанского... которое появляется на столе как по волшебству...

...я просто сломалась, потихоньку купила огромную коробку мороженого «Хааген-Дэц» и слопала в одиночку, тайком от Лиззи...

Я не осознаю, что происходит вокруг. Мир сузился до меня, этого незнакомца и моих губ, выплевывающих все сокровенные мысли и тайны.

Я едва понимаю, что говорю. Знаю только: иначе не могу, от этого становится легче.

Значит, именно в этом смысл психотерапии?

— ...звали Дэнни Нусбаум. Мама и папа смотрели вниз «Бен Гура», и я помню, как думала: если именно из-за этого весь мир сходит с ума, значит, весь мир спятил...

...лежу на боку, потому что так ложбинка между грудями кажется глубже...

...работает в маркетинговых исследованиях... Когда я увидела его в первый раз, просто ахнула... До чего же хорош! Очень высокий блондин, потому что он наполовину швед, с поразительно голубыми глазами. Так вот, он пригласил ме-

ня...

...всегда перед свиданием опрокидываю стаканчик сладкого хереса, только чтобы успокоить нервы...

...он чудесный. Коннор просто чудесный. Мне так повезло. Все мне твердят, какой он потрясающий. Милый и добрый, преуспевающий, и все называют нас идеальной парой...

...я никогда бы никому не сказала, даже через миллион лет. Но иногда мне кажется, что он слишком красив. В точности кукла. Как Кен. Кен-блондинчик...

Перейдя к Коннору, я окончательно распоясалась и говорю то, о чем едва смела думать. Мало того, вообще не представляла, что такое может быть у меня в голове.

* * *

— ...подарила ему на Рождество отличные часы на кожаном ремешке, но он все носит эту оранжевую электронную штуку, потому что может узнать по ней температуру воздуха в Польше и еще что-то, такое же дурацкое...

...водил меня на все эти джазовые концерты, а я из вежливости притворялась, будто мне нравится, и теперь он вообразил, что я люблю джаз...

...наизусть все фильмы Вуди Аллена и цитирует каждую фразу до того, как ее успевают произнести с экрана, и от этого я на стену лезу...

...вечно уставится на меня, словно я говорю на другом языке...

...помешался на том, что должен найти мою точку G, поэтому мы весь уик-энд занимались этим в различных позициях, а к концу я так вымоталась, что хотела только пиццу и смотреть «Друзей»...

...все твердил: как это, как это... поэтому пришлось поломать голову... ну, я и сказала, что это просто потрясающе и что тело мое раскрылось, словно цветок, а он спросил, какой именно цветок, вот я и ляпнула, что бегония...

...нельзя же ожидать, что бывлая страсть сохранится. Но как поймешь, угасла ли она? Может, долгие отношения переросли в дружбу, а может, настала пора сказать: «Мы больше не влюблены друг в друга»...

...рыцарь в сверкающих доспехах – это нереально. Но я по-прежнему иногда хочу пылкой, невероятной романтики. Мне нужна страсть. Желаю, чтобы меня покоряли. Хочу землетрясения или... не знаю... смерча... чего-нибудь волнующего. Порой мне кажется, что совершенно новая, захватывающая жизнь ждет меня где-то совсем близко, и если бы я только...

– Простите, мисс...

– Что? – Я поднимаю ошалелый взгляд. – В чем дело?

Стюардесса с косой улыбается мне:

– Мы приземлились.

Я непонимающе смотрю на нее:

– Приземлились?

Что за чушь! Как это приземлились?

Я оглядываюсь – и точно. Самолет стоит на поле. Мы на земле.

Я чувствую себя Дороти. Секунду назад темный вихрь кружил меня в стране Оз, но теперь я проснулась, и все вокруг спокойно, тихо и безмятежно.

– Нас больше не трясет, – растерянно бормочу я.

– Нас перестало трясти довольно давно, – сообщает американец.

– Мы... мы не умрем.

– Мы не умрем, – соглашается он.

Я смотрю на него, словно вижу впервые, и тут до меня доходит: я безостановочно трепалась целый час с совершенно незнакомым человеком! Одному богу известно, что я ему наболтала.

Нужно как можно скорее убираться отсюда.

– Простите, – неловко извиняюсь я. – Вы должны были остановить меня.

– Это было трудновато, – отвечает он со сдержанной улыбкой. – Вы несколько разошлись.

– Мне так стыдно...

Я стараюсь улыбнуться, но не могу посмотреть этому парню в глаза после того, как рассказала о своих трусиках, о точке G!

– Не стоит расстраиваться. Это стресс. Нам всем при-

шлось нелегко. Да уж, полет был тот еще. – Он поднимает свой рюкзак, встает и оглядывается. – Вы сами доберетесь до дома?

– Да, не беспокойтесь. Все хорошо. Желаю удачи! – кричу я вслед, но, по-моему, он не слышит.

Я медленно собираю вещи и выхожу. Ужасно жарко, я вся мокрая, волосы в беспорядке, а голова будто распухла.

Аэропорт кажется таким светлым и спокойным после всего, что я пережила в самолете. И земля твердая и надежная.

Сажусь на пластиковый стульчик, пытаюсь собраться с мыслями, но когда встаю, в голове по-прежнему сумятица. Я иду как в тумане, с трудом веря, что все кончилось, что я здесь, что жива. Никогда не думала, что смогу вернуться обратно, на землю.

– Эмма! – доносится со стороны терминала для прибывающих, но я не поднимаю глаз. В этом мире девушек с этим именем более чем достаточно. – Эмма! Я здесь!

Не веря своим ушам, я вскидываю голову. Неужели?..

Нет. Этого не может быть. Просто не может...

Коннор!

Он душераздирающе красив. Кожа отливает таким изысканным скандинавским загаром, а глаза голубее обычного, но это еще не все. Он бежит ко мне! Ничего не понимаю. Почему он здесь?

Едва мы оказываемся рядом, он хватает меня и крепко

прижимает к груди.

– Слава богу, – хрипло бормочет он. – Слава богу! Ты в порядке?

– Коннор, что... что ты здесь делаешь?

– Позвонил в справочную авиакомпании узнать, когда ты прилетаешь, и мне сказали, что самолет попал в жуткую болтанку. Я просто не мог не приехать. – Он пристально смотрит на меня. – Эмма, я видел, как садился твой самолет. На поле выслали машину «Скорой». А потом... потом все вышли, а тебя не было. Я подумал... – Он судорожно сглатывает. – Сам не знаю, что я подумал.

– Все хорошо. Я только... только пыталась прийти в себя. О боже. Коннор, какой это был кошмар... – Мой голос отчего-то дрожит, и это совсем уж глупо, поскольку теперь-то я в полной безопасности! – В какой-то момент я даже подумала, что самолет разобьется.

– Когда ты не вышла за барьер...

Коннор замолкает и несколько минут молча смотрит на меня. Потом он продолжает:

– Наверное, именно в этот момент я понял, насколько глубоко мои чувства к тебе.

– П-правда? – заикаюсь я.

Сердце прямо-таки грохочет. И кажется, я вот-вот упаду в обморок.

– Эмма, думаю, нам следует...

Пожениться. На этот раз сердце замирает. От страха. Боже

мой! Он собирается сделать мне предложение прямо здесь, в аэропорту! И что мне ответить? Я еще не готова выйти замуж. Но если откажу, он повернется и уйдет. Навсегда. Ужас. Ладно. Придется сказать так: «Коннор, мне нужно немного поду...»

– ...жить вместе, – заканчивает он.

Нет, все же я кретинка! Очевидно, ему и в голову не приходило просить меня выйти за него.

– Как тебе идея? – Он нежно гладит мои волосы.

– Э... гм... – Я с силой вытираю сухое лицо, пытаюсь выиграть время. Собраться с мыслями. Перебраться к Коннору? Вроде вполне разумно. Почему бы и нет?

Но мне никак не удастся взять себя в руки. словно что-то копошится в мозгу, стараясь предупредить... или предостеречь...

И тут вдруг вспоминаются несколько фраз из тех, что я выдала в самолете. Я ведь сказала, что никогда не была влюблена по-настоящему. И насчет Коннора, в сущности, никогда меня не понимавшего, все говорила правильно.

Но ведь все это... все это был просто бред какой-то, верно? Я несла околесицу... потому что боялась умереть! И нужно признать, сознание мое было не то чтобы слишком ясным.

– Коннор, как насчет твоего важного совещания? – вдруг вспоминаю я.

– Я его отменил.

– Отменил? – Я поражена. – Ради меня?

Голова у меня идет кругом. Ноги подкашиваются. Не пойму – то ли от последствий полета, то ли от любви.

Только взгляните на него! Высокий, красивый – и отменил важное совещание, чтобы броситься меня спасать. Это любовь. Что же еще?

– Я бы очень хотела жить вместе с тобой, Коннор, – шепчу я и, к своему невероятному изумлению, разражаюсь слезами.

Наутро меня будят яркое солнце и восхитительный запах кофе.

– Доброе утро, – доносится голос Коннора откуда-то сверху.

– Доброе, – отзываюсь я, не открывая глаза.

– Хочешь кофе?

– Да, пожалуйста.

Переворачиваюсь на живот и прячу гудящую голову в подушку, пытаюсь хотя бы на пару минут снова погрузиться в сон, что обычно удается мне легко. Но сегодня что-то меня тревожит. Не дает покоя, как заноза в пальце. Что же забыла?

Прислушиваясь к звону посуды и тихому звуку телевизора, я упорно роюсь в затуманенном мозгу. Сегодня утро субботы. Я в постели Коннора. Мы отправились поужинать... этот жуткий полет... он приехал в аэропорт и сказал...

Мы будем жить вместе!

Я сажусь как раз в тот момент, когда входит Коннор с двумя чашками и кофейником. Он надел белый махровый халат, в котором просто неотразим. Я ощущаю прилив гордости и тянусь, чтобы его поцеловать.

– Привет, – смеется он, протягивая мне кофе. – Осторожнее. Как ты себя чувствуешь?

– Сносно. – Я откидываю волосы с лица. – Впрочем, мне

немного не по себе.

– Неудивительно, – качает головой Коннор, – если учесть, что было вчера.

– Именно, – киваю я, отхлебнув кофе. – И мы... мы действительно будем жить вместе?

– Если ты по-прежнему не против.

– Конечно! Конечно, не против! – ослепительно улыбаюсь я.

И это чистая правда. Я – за. И чувствую себя так, словно за эту ночь повзрослела. Я съезжаюсь со своим бойфрендом. Наконец-то моя жизнь обрела смысл и потечет по верному руслу!

– Мне придется сказать об этом Эндрю, – объявляет Коннор, показывая на стенку, за которой живет его сосед по квартире.

– А мне нужно предупредить Лиззи и Джемайму.

– Теперь главное – найти подходящее местечко. И ты должна дать слово, что будешь драить его с утра до вечера, – поддразнивает он с лукавой улыбкой.

Я немедленно изображаю возмущение:

– Вот это мне нравится! Можно подумать, это у меня пятьдесят миллионов компакт-дисков!

– Это совсем другое!

– Интересно почему?

Я картинно подбочениваюсь, как комедийная актриса, и Коннор смеется.

Затем воцаряется тишина, словно мы оба выдохлись и теперь мирно пьем кофе.

– Так или иначе, – говорит наконец Коннор, – а мне пора. В этот уик-энд Коннор идет на компьютерные курсы.

– Прости, что не смогу приехать к твоим родителям, – добавляет он.

И ему действительно жаль. То есть, в довершение ко всему прочему, ему действительно нравится бывать у моих родителей.

– Ничего страшного, – великодушно заявляю я. – Это неважно.

– Кстати, совсем забыл! – Коннор таинственно улыбается. – Угадай, куда я раздобыл билеты?

– О-о-о! – взволнованно восклицаю я. – Э... – Так и хочется спросить: «В Париж?»

– На джазовый фестиваль! – Коннор сияет. – Квартет Деннисона! Это их последний концерт в этом году. Помнишь, мы слышали их у Ронни Скотта?

Я на какое-то мгновение теряю дар речи. Который, впрочем, удастся найти достаточно быстро.

– Вот это да! – бормочу я. – Квартет... Деннисона! Конечно, помню.

Эти ребята играют на кларнетах. Громко, упорно, нудно, почти два часа, причем не переводя дыхания.

– Я знал, что ты обрадуешься.

Коннор нежно касается моей руки, и я отвечаю вымучен-

ной улыбкой:

– Еще бы!

Дело в том, что я, вероятнее всего, когда-нибудь полюблю джаз. В один прекрасный день. Более того, я почти уверена, что так и будет.

Я любящим взглядом слежу за тем, как Коннор одевается, чистит зубы ниткой и берет портфель.

– Ты надела мой подарок, – замечает он с довольной улыбкой, глядя на разбросанное по полу белье.

– Я... я часто их ношу, – заверяю его я, скрестив пальцы за спиной. – Такие роскошные.

– Желаю хорошо провести время с семьей. – Коннор подходит к постели, целует меня и как-то странно мнется. – Эмма?

– Да?

Он садится на кровать и как-то уж очень серьезно смотрит на меня. Боже, какие у него голубые глаза.

– Я хотел кое-что сказать. – Он кусает губы. – Ты ведь знаешь, мы всегда были откровенны друг с другом во всем, что касалось наших отношений.

– Э... да, – подтверждаю я, начиная беспокоиться.

– Это всего лишь идея. Тебе она может не понравиться. Словом, я хочу сказать, все зависит от тебя.

Я в полном недоумении смотрю на Коннора. Его лицо заливают краска. И вид у него ужасно смущенный.

О господи! Что, если он извращенец? Потребуется, чтобы

я натягивала разные кожаные прибаамбасы и размахивала плеткой?

Впрочем, я не возражаю на время стать няней. Или медсестрой. Или Женщиной Кошкой из «Бэтмена». Отпад. А если прикупить лакированные сапоги...

– Я тут подумывал... может... мы могли бы... – запинаясь Коннор.

– И?.. – Я ободряюще кладу ему руку на плечо.

– Мы могли бы... – беспомощно повторяет он и снова замолкает.

– Что?

Следует долгая пауза. Я едва дышу. Чего он добивается? И что имеет в виду?

– Мы могли бы начать обращаться друг к другу «дорогой» и «дорогая»! – смущенно выпаливает он.

– Что? – никак не понимаю я.

– Дело в том... – Коннор багровеет совсем уже угрожающе. – Мы собираемся жить вместе. Что ни говори, а это уже шаг! И я недавно заметил... что мы... мы никогда не говорим друг другу нежных... слов.

Я во все глаза смотрю на него, чувствуя, что попалась.

– Разве?

– Точно.

– Вот как...

Я залпом глотаю кофе. Вообще-то, он прав. В самом деле не говорим. Но почему?

– Как по-твоему? Но только если ты сама этого хочешь.

– Ну разумеется, – поспешно киваю я. – То есть ты совершенно прав. Конечно, хочу. – Я откашливаюсь. – Дорогой!

– Спасибо, дорогая, – шепчет он с любящей улыбкой, и я улыбаюсь в ответ, пытаюсь не замечать хор протестующих голосов в собственной голове.

До чего же фальшиво звучит!

Я не ощущаю себя «дорогой».

«Дорогая» – это замужняя дама, вся в жемчугах и с полноприводным автомобилем.

– Эмма? – Коннор вопросительно смотрит на меня. – Что-то не так?

– Еще не уверена, – признаюсь я со смущенным смешком. – Просто «дорогая» – это как-то не для меня. Но знаешь, вполне возможно, я со временем привыкну.

– Но мы можем выбрать что-то еще. Как насчет «милая»? «Милая»? Он это серьезно?

– Нет, – быстро говорю я. – «Дорогая» – лучше.

– Или «солнышко», «лапочка», «ангел»...

– Может быть. Послушай, давай пока просто забудем об этом.

Лицо Коннора вытягивается, и мне становится стыдно. «Брось, Эмма, ты вполне можешь обращаться к своему бойфренду “дорогой”. В конце концов ничего в этом особенного нет. Надо лишь привыкнуть».

– Прости, Коннор, – извиняюсь я. – Не знаю, что на меня

нашло. Наверное, еще не пришла в себя после полета. – Я беру его руку и сжимаю. – Дорогой.

– Все в порядке, дорогая, – улыбается он, вновь обретая обычное хорошее расположение духа, и целует меня. – До вечера.

Вот видите? Это так легко.

О боже...

Ладно, у всех парочек бывают моменты неловкости. Совершенно обычное явление... наверное.

Около получаса уходит на то, чтобы добраться из квартиры Коннора в Мейда-Вейл до Айлингтона, где живу я. Открываю дверь и вижу на диване Лиззи. Физиономия у нее сосредоточенная, вокруг валяются бумаги. Она так много трудится, моя Лиззи. Иногда даже слишком.

– Над чем ты работаешь? – сочувственно осведомляюсь я. – Замышляешь очередное мошенничество?

– Нет, читаю статью, – рассеянно отвечает Лиззи, показывая гляцевый журнал. – Здесь говорится, что со времен Клеопатры критерии красоты остались неизменными и есть способ проверить, насколько ты красива. Делаешь кое-какие измерения...

– Правда? – оживляюсь я. – И что там у тебя?

– Еще не закончила. – Она снова хмурится, вглядываясь в страницу.

– Значит, пятьдесят три... минус двадцать... получится...

Господи боже, какой кошмар! Всего тридцать три!

– Из?..

– Из ста! Тридцать три из ста!

– О Лиззи. Какое дерьмо!

– Знаю, – кивает Лиззи серьезно. – Я уродина. И знала это. Понимаешь, знала всю жизнь, в глубине души, но...

– Нет, – отмахиваюсь я, стараясь не смеяться. – Я имею в виду, твой журнал – дерьмо! Нельзя измерить красоту какими-то дурацкими цифрами. Да ты взгляни на себя!

У Лиззи самые большие в мире серые глаза, прекрасная чистая кожа. Абсолютно потрясающее лицо, хотя ее последняя прическа, пожалуй, слишком строга.

– Да кому ты веришь? Зеркалу или идиотской, бессмысленной журнальной статье?

– Идиотской, бессмысленной журнальной статье, – вздыхает Лиззи с таким видом, словно это совершенно очевидно.

Она, конечно, не всерьез. Но с тех пор, как Лиззи бросил Саймон, ее бойфренд, ее самооценка угрожающе снизилась. Поэтому я немного беспокоюсь за нее.

– Это и есть золотые пропорции красоты? – спрашивает наша третья соседка, Джемайма, цокая каблуками-рюмочками. На ней бледно-розовые джинсы, облегающий белый топ, и выглядит она по обыкновению ухоженной и загорелой.

Теоретически Джемайма работает в галерее скульптуры, но практически постоянно пребывает в парикмахерских, массажных салонах и фитнес-центрах, ходит на свидания с

банкирами, доходы которых тщательно проверяет, прежде чем сказать «да».

Но мы с Джемаймой ладим. Ну или вроде того. Беда в том, что все предложения она начинает со слов «если хочешь»: «Если хочешь получить обручальное колечко на пальчик...»; «Если хочешь адрес с индексом SW3¹...»; «Если хочешь, чтобы твои вечеринки считали лучшими в городе...».

Конечно, я не против, чтобы мои вечеринки считали лучшими в городе. Просто в данный момент это не основная моя забота. Кроме того, по мысли Джемаймы, быть действительно хорошей хозяйкой означает пригласить кучу богатеньких приятелей, обвешать всю квартиру шариками и гирляндами, нанять официантов и поваров и потом хвастаться, что все эти горы еды приготовлены ею собственноручно. Но самое главное – это отослать соседок (меня и Лиззи) в кино, а позже принять оскорбленный вид, если они осмелятся прокрасться обратно в полночь и сварить на кухне шоколад.

– Я тоже прошла этот тест, – сообщает Джемайма, поднимая розовую сумочку «Луи Вюиттон» – подарок папочки после того, как она порвала с парнем, сходяв на третье свидание. Можно подумать, у бедняжки сердце разбилось! Заметьте, у него была яхта, так что, вполне возможно, дело действительно дошло до разбитого сердца.

– И сколько у тебя? – спрашивает Лиззи.

¹ Престижный район Лондона. (Здесь и далее прим. ред.)

– Восемьдесят девять.

Джемайма опрыскивается духами, откидывает за спину длинные светлые волосы и улыбается себе в зеркале.

– Итак, Эмма, значит, это правда, что ты съезжаешься с Коннором?

Я потрясена.

– Откуда ты знаешь?

– Дошли слухи. Сегодня утром Эндрю позвонил Рупсу на счет крикета и все ему рассказал.

– Ты съезжаешься с Коннором? – поражается Лиззи. – Почему же я ничего не знаю?

– Я собиралась сказать, честно, собиралась. Ну разве не здорово?

– Неверный ход, Эмма, – вздыхает Джемайма, покачивая головой. – Очень неразумная тактика.

– Тактика? – Лиззи закатывает глаза. – Тактика?! Джемайма, речь идет о человеческих отношениях. Не об игре в шахматы!

– Любые отношения и есть шахматная партия, – парирует Джемайма, накладывая тушь на ресницы. – Мамочка считает, что необходимо все рассчитывать заранее. Это называется стратегическим планированием. Если делаешь неверный ход, ты в проигрыше.

– Все это чушь! – бросает Лиззи вызывающе. – Отношения – это когда у людей общие интересы и когда две родственные души находят друг друга.

– Родственные души! – иронически усмехается Джемайма. – Помни, Эмма: если хочешь получить обручальное колечко, не съезжайся с Коннором.

Она оглядывается на камин, где почетное место занимает большой снимок. На фотографии запечатлена для истории встреча Джемаймы с принцем Уильямом на благотворительной игре в поло.

– Все еще метишь в королевскую семью? – фыркает Лиззи. – Не напомнишь, на сколько лет он младше тебя?

– Не мели вздор! – рявкает Джемайма, предательски краснея. – Знаешь, иногда ты ведешь себя как дитя малое!

– Так или иначе, а мне колечко на палец ни к чему, – вставляю я.

Джемайма вскидывает идеально выщипанные брови, словно хочет сказать: «Бедная невежественная дурочка», – и закрывает сумочку.

– Кстати! – внезапно восклицает она, угрожающе щурясь. – Кто-то из вас брал мой джемпер «Джозеф»?

Следует кратчайшая пауза.

– Нет, – с невинным видом отвечаю я.

– Я даже не знаю, какой он, – пожимает плечами Лиззи.

У меня не хватает духу взглянуть на нее. Уверена, что вчера вечером видела на ней этот чертов джемпер.

Голубые глаза Джемаймы, проницательные, как радарные сканеры, обегают меня и Лиззи. Похоже, она нас насквозь видит.

– У меня очень тонкие руки, – предупреждает она, – и я не хочу, чтобы рукава растянулись. Только не воображайте, будто я не замечу, потому что я вижу все! Чао!

Едва за ней закрывается дверь, мы с Лиззи переглядываемся.

– Черт, – вздыхает Лиззи, – кажется, я оставила его на работе. А, ладно, заберу в понедельник.

Она пожимает плечами и возвращается к журналу.

Честно говоря, мы обе время от времени заимствуем одежду Джемаймы. Без спроса. Но нужно сказать в оправдание, у нее так много шмоток, что она этого часто вообще не замечает. К тому же, по словам Лиззи, одно из основных прав человека заключается в том, что соседи по квартире просто обязаны меняться одеждой. Она утверждает, что это одна из статей неписаной британской конституции.

– И кроме того, – добавляет Лиззи, – она у меня в долгу за то письмо в муниципальный совет насчет ее штрафов за незаконную парковку. Знаешь, она даже спасибо не сказала! – Лиззи отвлекается от статьи о Николь Кидман. – Так что ты делаешь вечером? Пойдем в кино?

– Не могу, – вздыхаю я. – Сегодня у мамы день рождения.

– Ах да, конечно, – сочувствует она. – Удачи. Надеюсь, все пройдет классно.

Лиззи – единственный человек на свете, кто имеет хоть какое-то представление о том, что меня ждет дома. Но даже она не знает всего.

Сидя в электричке, я решаю, что в этот раз все пройдет лучше. Вчера я смотрела ток-шоу Синди Блейн о воссоединении давно разлученных матерей и дочерей, и это было так трогательно, что я плакала навзрыд. В конце Синди прочла мораль насчет того, что многие относятся к родным как к чему-то само собой разумеющемуся, а ведь родители дали нам жизнь и нам следует ими дорожить. И меня вдруг начинает мучить совесть.

Я не буду:

разрешать своей семье мотать мне нервы;

завидовать Керри или позволять Неву доводить меня;

смотреть на часы, гадая, когда можно будет благополучно уйти.

Я постараюсь:

оставаться безмятежной, любящей, доброй и помнить, что все мы священные звенья в вечном круге жизни (это я тоже взяла у Синди Блейн).

Раньше мама и папа жили в Туикнеме, где выросла и я. Но теперь перебрались из Лондона в деревушку в Гэмпшире.

Я приезжаю к ним в начале первого и застаю маму в кухне с моей кузиной Керри. Кузина и ее муж Нев тоже переехали

в деревню, примерно в пяти минутах езды от родителей, так что теперь они постоянно встречаются.

Когда вижу эту парочку, сердце сжимается. Обе орудуют у плиты и выглядят скорее как мать с дочерью, чем тетка с племянницей. У обеих мелированные волосы, хотя у Керри «перышек» больше. На обеих яркие топы, обтягивающие грудь, и обе смеются. Я замечаю полупустую бутылку белого вина на разделочном столе.

– С днем рождения, – говорю я, обнимая маму и украдкой глядя на сверток на кухонном столе. Меня охватывает знакомое с детства предвкушение праздника. Я принесла маме лучший в мире подарок! Просто не терпится вручить поскорее!

– О, привет! – бросает Керри, поворачиваясь и поправляя передник. Ее голубые глаза сильно подведены. На шее висит крестик с бриллиантами, которого я раньше не видела. Каждый раз при очередной встрече на ней новое украшение. – Приятно видеть тебя, Эмма. Последнее время ты редко приезжаешь. Правда, тетя Рейчел?

– Абсолютная, – кивает мама, обнимая меня.

– Взять твоё пальто? – спрашивает Керри, когда я ставлю в холодильник принесенную с собой бутылку шампанского. – И как насчет выпивки?

Керри всегда говорит со мной в таком тоне. Словно я посторонняя. Гостья в своем доме.

Ну и ладно. Я не собираюсь комплексовать по этому по-

воду.

– Не волнуйся, – отвечаю я, стараясь сохранять спокойствие. – Я сама налью.

Открываю сервант, где всегда стояли бокалы, но мой взгляд упирается в банки с томатами.

– Они там, – сообщает Керри. – В другом углу кухни. Мы все переставили! Так удобнее!

– Ну да, верно. Спасибо. – Я беру протянутый бокал и делаю глоток.

– Вам помочь?

– Не стоит, пожалуй... – Керри критически оглядывает кухню. – Все почти готово. Представляешь, тетя, я спросила у Илейн: «Где ты взяла такие туфли?» И она ответила: «В “Маркс и Спенсер”!» Я просто поверить не могла!

– Кто такая Илейн? – спрашиваю я, стараясь вступить в разговор.

– Из гольф-клуба, – туманно отвечает Керри.

Мама никогда не играла в гольф, но после переезда в Гэмпшир они с Керри не вылезают из клуба. И теперь я ни о чем больше не слышу, кроме как о состязаниях, ужинах в гольф-клубе и бесконечных вечеринках с приятельницами из того же гольф-клуба.

Однажды и я туда отправилась – посмотреть, что это такое. Но оказалось, что там завели дурацкие правила насчет одежды, и какой-то пожилой дядечка едва не свалился с инфарктом, потому что я пришла в джинсах. В результате ма-

ме и Керри пришлось найти мне юбку и пару жутких туфель с шипами. А когда мы наконец попали на поле, я не смогла ударить по мячу. Поймите меня правильно: не просто неправильно била, нет, я действительно не смогла попасть по мячу. Так что все переглянулись и решили, что мне лучше подождать в помещении клуба.

– Прости, Эмма, я не могу достать... – Керри тянется из-за моего плеча к очередному блюду.

– Извини, – киваю я, отходя. – Мам, мне действительно нечего делать?

– Можешь покормить Сэмми, – отвечает мама, вручая мне банку с кормом для рыб, и озабоченно хмурится. – Знаешь, мне что-то не нравится Сэмми.

– Правда? – лепечу я с замирающим сердцем. – А... почему?

– Он на себя не похож! – Она близоруко щурится на Сэмми, выписывающего круги в аквариуме. – Как, по-твоему, он нормально выглядит?

Я смотрю в направлении ее взгляда и задумчиво покачиваю головой, словно изучая черты Сэмми.

О господи! В жизни не думала, что она заметит! Я из кожи вон лезла, чтобы найти точную копию Сэмми. Эта рыбка тоже оранжевая, с двумя плавниками, плавает, шевеля хвостом... В чем тут разница?

– Может, небольшая депрессия? – предполагаю я. – Ничего, пройдет.

Боже, пожалуйста, не позволяй ей отнести новоявленного Сэмми к ветеринару или кому-то в этом роде. Я даже не проверила, того ли рыбка пола. И вообще имеют ли золотые рыбки пол?

– Что еще? – спрашиваю я, щедро насыпав в воду корма в надежде, что маме будет хуже видно.

– Да все под контролем, – добродушно улыбается Керри.

– Почему бы тебе не пойти поздороваться с папой? – предлагает мама, перебирая горошек. – Через минуту-другую сядем за стол.

Папа и Нев смотрят в столовой матч по крикету. Седящая папина борода, как обычно, аккуратно подстрижена. Рядом стоит серебряная кружка с пивом. Комнату недавно обновляли, но на стене по-прежнему красуются спортивные награды Керри за плавание. Мама полирует их регулярно. Каждую неделю.

Плюс моя парочка розеток за бег на короткие дистанции. Возможно, мама проходится по ним метелкой.

– Привет, пап, – говорю я, целуя его.

– Эмма! – Он с деланным удивлением всплескивает руками. – Неужели на этот раз удалось? Никаких отклонений от маршрута? Никаких визитов в исторические города?!

– Не сегодня, – усмехаюсь я.

Однажды, вскоре после того как родители переехали, я села не на ту электричку и очутилась в Солсбери. Теперь отец

все время мне это припоминает.

– Привет, Нев.

Я чмокаю его в щеку, стараясь не задохнуться от резкого запаха туалетной воды. Он в легких брюках и белой водолазке. На запястье тяжелый золотой браслет. На пальце блестит обручальное кольцо с бриллиантом. Нев управляет семейной фирмой, поставляющей офисное оборудование по всей стране. Он и Керри встретились на какой-то конференции молодых руководителей. Кажется, разговор начался со взаимного восхищения «Ролексом».

– Привет, Эмма, – кивает Нев. – Видела мою новую машину?

– Что? – удивляюсь я, но тут же вспоминаю блестящее новое авто во дворе. – О да. Шикарная!

– «Мерседес» пятой серии. – Он жадно тянет пиво. – Сорок две штуки по прайс-листу.

– Вот это да.

– Правда, я заплатил меньше, – сообщает Нев, с хитрым видом постукивая себя по носу. – Угадай, сколько.

– Э... сорок?

– Вторая попытка.

– Тридцать девять?

– Тридцать семь двести пятьдесят, – торжествующе объявляет Нев. – И бесплатный проигрыватель компакт-дисков. За вычетом налогов.

– Правда? Вот это да!

Признаться, я понятия не имею, что еще сказать, поэтому, примостившись на краю дивана, съедаю орешек.

– Вот на что ты должна нацелиться, Эмма, – вмешивается отец. – Как по-твоему, у тебя получится?

– Не знаю... папа, кстати, хорошо, что вспомнила... у меня для тебя чек.

Я копаюсь в сумочке и достаю чек на триста фунтов.

– Молодец! – восклицает отец. – Это пойдет на банковский счет. – И глядя на меня, кладет чек в карман.

– Вот что значит ценить деньги! Вот что значит учиться стоять на своих ногах!

– Вы правы. Важный урок, – кивает Нев, не забывая прикладывать к кружке. – Кстати, Эмма, совсем забыл: в какой области ты делаешь карьеру на этой неделе?

Я познакомилась с Невом как раз после того, как ушла из агентства недвижимости, чтобы стать фотографом. Два с половиной года назад. И с тех пор при каждой встрече он повторяет ту же шутку. При каждой чертовой...

«О'кей, успокойся. Цени свою семью. Цени Нева».

– По-прежнему маркетинг, – весело смеюсь я. – Вот уже больше года.

– А, маркетинг. Прекрасно. Прекрасно!

Все смолкают. В комнате тихо, если не считать голоса комментатора. Внезапно отец и Нев хором охают, словно на поле произошла непоправимая трагедия. Впрочем, через минуту вздох повторяется.

– Ладно, – говорю я, – если вы так заняты...

Встаю с дивана и иду к двери. Мужчины даже не оглядываются.

В прихожей я поднимаю картонную коробку, которую привезла с собой. Выskalзываю в боковую калитку, стучусь во флигель и осторожно приоткрываю дверь:

– Дед?

Дед – отец мамы, он живет с нами с тех пор, как десять лет назад перенес операцию на сердце. В старом доме в Туикнеме у него была всего-навсего спальня, но тут места больше, теперь в его распоряжении целый флигель, сбоку от дома, с двумя комнатами и крохотной кухонькой. Дед сидит в любимом кожаном кресле, по радио передают классическую музыку, а на полу перед ним штук шесть картонных коробок, набитых всякой ерундой.

– Привет, дедушка, – говорю я.

– Эмма! – Он поднимает голову, и лицо его мгновенно светлеет. – Дорогая моя! Иди сюда!

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать его, и он крепко стискивает мою ладонь. Кожа на ощупь сухая и холодная, а волосы побелели еще больше с тех пор, как мы виделись в последний раз.

– Я принесла тебе «Пэнтер бар», – объявляю я, кивнув на коробку.

Дедушка просто помешался на энергетических плитках «Пэнтер», впрочем, как и все его друзья по боулинг-клубу,

поэтому я бросаю на ветер бешенные деньги, покупая ему целую упаковку каждый раз, когда еду домой.

– Спасибо, любовь моя, – расплывается в улыбке дед. – Ты хорошая девочка, Эмма.

– Куда мне их поставить?

Мы беспомощно оглядываем захламленную комнату.

– Что, если там, за телевизором? – спрашивает наконец дед.

Я пробираюсь через завалы, плюхаю коробку на пол и возвращаюсь, стараясь не споткнуться.

– Послушай, Эмма, вчера я прочел крайне тревожную статью, – начинает дед, когда я сажусь прямо на очередную коробку. – Насчет безопасности в Лондоне.

Заявление сопровождается внимательным взглядом.

– Надеюсь, ты не едешь по вечерам в общественном транспорте?!

– Э... почти нет, – неуверенно отвечаю я, скрещивая пальцы за спиной. – Только время от времени, когда нужно срочно...

– Ни в коем случае, дорогая! – взволнованно перебивает дед. – Там пишут о тинейджерах в черных масках, с выкидными ножами. Они буквально наводнили метро. Пьяные болваны, разбитые бутылки, стекла, которыми выкалывают прохожим глаза...

– Все не так уж плохо...

– Эмма, не стоит так рисковать, чтобы сэкономить на так-

си...

Я совершенно уверена, что, если спрошу деда, каков, по его мнению, средний тариф у лондонских таксистов, тот ответит: «Пять шиллингов».

– Честно-честно, дед, я очень осторожна, – уверяю я. – И часто беру такси.

Иногда. Примерно раз в год.

– Лучше объясни, что это ты делаешь? – спрашиваю я, спеша сменить тему.

Дед тяжело вздыхает:

– На прошлой неделе твоя мать расчищала чердак. Вот я и разбираю, что нужно выбросить, а что оставить.

– Идея неплохая. – Я оглядываю кучи мусора на полу. – Это на выброс?

– Нет! Это я сохраняю!

Для пушей верности он даже кладет ладонь на крышку.

– В таком случае где то, что нужно выбросить?

Молчание. Дед старательно избегает моего взгляда.

– Дед! Нельзя же утонуть в мусоре с головой! – восклицаю я, стараясь не засмеяться. – Ну к чему тебе старые газетные вырезки? А тут что? – Я выуживаю из-под груды вырезок старый йо-йо. – Это тебе зачем?

– Йо-йо Джима, – вздыхает дед и тянется к игрушке. Взгляд его смягчается. – Милый старина Джим.

– Кто такой Джим? – недоумеваю я. В жизни не слышала ни о каком Джиме. – Твой друг?

– Мы встретились на ярмарке. Провели вместе день. Тогда мне было девять.

Дед рассеянно вертит в пальцах йо-йо.

– И там же подружились?

– Никогда его больше не видел. – Он рассеянно покачивает головой. – Но так и не позабыл.

Беда в том, что дед никогда и ничего не забывает.

– А как насчет этого? – продолжаю я, вытягивая пачку рождественских открыток.

– За все годы не выбросил ни одной, – объявляет дед, пристально меня оглядывая. – Когда дотянешь до моих лет и поймешь, что люди, которых ты знала и любила, начинают уходить навсегда, сама захочешь сохранить что-то на память. Даже самую мелочь.

– Понимаю, – растроганно шепчу я. Тянусь к ближайшей открытке, открываю и... – Дед! Да ведь это от фирмы Смита по ремонту электрооборудования. За шестьдесят пятый год!

– Фрэнк Смит был очень хорошим человеком, – заводит дед.

– Нет! – Я решительно швыряю открытку на пол. – Это все вон! И тебе ни к чему память о... – я разворачиваю следующую, – газовой компании. А двадцать старых экземпляров «Панча»? – Я безжалостно отбрасываю газеты. – Это еще что такое?

Снова сую руку в коробку и вытаскиваю конверт со снимками.

– Здесь те, кого ты действительно...

Тонкая игла входит мне в сердце, и я осекаюсь на полуслове.

В моей руке снимок, на котором мы с папой и мамой на скамейке в парке. На маме платье в цветочек, на папе – дурацкая соломенная шляпа, я сижу у него на коленях, с мороженым в руках. На вид мне лет девять... и все мы кажемся такими счастливыми.

Я молча вытягиваю второй снимок. Теперь папина шляпа перекочевала на мою голову, и мы умираем со смеху. Нас по-прежнему только трое.

Только трое. Значит, это еще до того, как в нашу жизнь вошла Керри.

Я как сейчас помню день ее приезда. Красный чемодан в прихожей, чужой голос, доносящийся с кухни, запах незнакомых духов в воздухе. Я вошла и увидела Керри с чашкой чаю в руке. Тогда на ней была школьная форма, но мне кузина все равно показалась взрослой. Уже тогда Керри могла похвастаться огромным бюстом, золотыми гвоздиками в ушах и «перышками» в прическе. А за ужином мои родители позволили ей выпить стакан вина. Ма все твердила, что я должна быть чуткой и доброй с Керри, потому что ее мать умерла. Мы все должны быть чуткими и добрыми.

Поэтому кузина поселилась в моей комнате!

Я перебираю снимки, безуспешно пытаюсь избавиться от застрявшего в горле кома. Я вспоминаю это место – парк с

качелями и горками, где мы часто гуляли. Но Керри это показалось чересчур скучным, а мне отчаянно хотелось стать похожей на нее, поэтому я тоже заявила, что мне скучно. И больше мы там никогда не бывали.

Раздается стук в дверь.

Я, вздрогнув, оборачиваюсь. Перед нами появляется Керри с бокалом вина.

– Обед готов!

– Спасибо. Мы уже идем, – киваю я.

– Ну что же ты, дедушка! – укоризненно грозит пальчиком Керри и указывает на злополучные коробки. – Так ничего и не разобрал?

– Не очень-то это легко! – слышу я собственный негодующий голос. – Слишком много воспоминаний. Их так просто не выкинешь.

– Что ж, если ты так считаешь... – Керри закатывает глаза. – По мне, так этому хламу место на помойке.

Я не могу быть чуткой и доброй с Керри. Просто не могу. Больше всего мне хочется запустить ей в физиономию тортом с кремом.

Мы уже несколько минут сидим за столом и почтительно внимаем Керри. Она же ораторствует безостановочно:

– Все дело в имидже. Все имеет значение – стиль одежды, общий вид, походка. Идя по улице, я излучаю атмосферу успеха, словно объявляя всему миру: перед вами деловая, преуспевающая женщина.

– Ну-ка продемонстрируй! – восхищенно просит мама.

Керри растягивает губы в притворно-скромной улыбке:

– Выглядит это примерно так. – Она отодвигает стул и вытирает губы салфеткой.

– Тебе следовало бы смотреть повнимательнее, Эмма, – советует мама. – Схватить основы.

Под пристальными взглядами собравшихся Керри обходит комнату. Подбородок вскинут, сиськи выпячены, она смотрит куда-то вдаль и при этом задом виляет. Выглядит Керри при этом неким гибридом устрицы и андроида из «Атаки клонов».

– Правда, сейчас я не на каблуках, – говорит она, останавливаясь.

– Когда Керри заходит в конференц-зал, уж поверьте, немало голов поворачивается, – гордо объявляет Нев и хватается за бокал с вином. – Люди прекращают работу и смотрят на нее.

Бьюсь об заклад, так оно и есть.

О боже! Меня так и подмывает хихикнуть. Не смей. Не смей.

– Хочешь попробовать, Эмма? – спрашивает Керри. – Делай как я.

– Э... не стоит, пожалуй. Я... думаю, я уже усвоила... ритм... и вообще... – Неожиданно для себя я фыркаю, но успешно маскирую промах кашлем.

– Эмма, Керри пытается помочь, – наставительно говорит

мама, – и ты должна быть ей благодарна. Ах, Керри, ты так добра к Эмме!

Это уж точно. Керри просто рвется мне помочь.

Именно поэтому, когда я окончательно отчаялась найти работу и попросила позволить мне набраться опыта в ее компании, она отказала. Я написала кухне длинное вежливое письмо, в котором признавала, что ставлю ее в неловкое положение, но готова схватиться за любой шанс, пусть даже пару-тройку дней побыть на побегушках.

А она ответила сухим отказом.

Меня еще никогда так не унижали!

Я была убита, поэтому никому ничего не рассказала. В том числе папе и маме.

– Тебе бы стоило прислушаться к советам Керри, – резко говорит папа. – Если бы ты обратила на них хоть немного внимания, может, добилась бы в жизни большего!

– Да это всего лишь походка, – давится от смеха Нев. – Не какое-то чудотворное средство!

– Нев! – журит его мама, но без особого пыла.

– Эмма знает, что я шучу, верно, Эмма? – хихикает Нев, наполняя бокал.

– Разумеется, – выдавливаю я и вымучиваю веселую улыбку.

«Только погодите, вот меня повысят, и тогда... Тогда посмотрим, что вы все скажете!»

– Эмма! Земля – Эмме! – Керри шаловливо помахивает

рукой у меня перед глазами. – Проснись! Церемония вручения подарков!

– Ах да, – киваю я. – Сейчас схожу за своим.

Мама медленно разворачивает камеру от отца и сумочку от деда. Меня трясет от волнения. Я так надеюсь, что ей понравится подарок!

– Вид достаточно скромный, – бормочу я, протягивая розовый конверт. – Но когда откроешь, сама поймешь...

– Что это? – удивляется явно заинтригованная мама. Разрывает конверт, разворачивает открытку с цветочками и восклицает:

– О, Эмма!

– Что там? – интересуется па.

– День на курорте! – восторгается мама. – Целый день в свое удовольствие!

– До чего же оригинально! – оживляется дед, глядя мою руку. – Ты всегда умела выбрать подарок!

– Спасибо, детка. Ты такая заботливая.

Мама перегибается через стол, чтобы поцеловать меня, и где-то внутри разливается приятное тепло. Мысль пришла мне в голову несколько месяцев назад. Курорт действительно хороший. С бесплатным лечением и прочим.

– Там подают шампанское к ланчу, – гордо объявляю я. – И шлепанцы можно оставить себе.

– Чудесно! – восклицает мама. – Скорее бы! Эмма, милая, что за прелестный подарок!

– О господи, – сокрушается Керри с нервным смешком, помахивая большим кремовым конвертом. – Боюсь, меня перещеголяли. Ничего страшного. Я просто поменяю на что-нибудь получше.

Я резко вскидываю голову. Что-то в ее голосе меня настораживает. Все это неспроста. Я точно знаю: все это неспроста.

– Ты это о чем? – удивляется мама.

– Ах, неважно, – щебечет Керри. – Я... я обязательно... найду что-то еще. Не стоит волноваться.

Она открывает сумочку и сует туда конверт.

– Керри, дорогая, – уговаривает мама, – немедленно перестань. Не будь глупенькой. Что там такое?

– Ничего особенного. Выходит, нас с Эммой осенила одна и та же идея. – Она с извиняющимся видом вручает маме конверт. – Невероятно!

Я напряглась в ожидании удара.

Нет.

Нет. Она не сделала того, о чем я думаю. Не сделала. Не могла.

Мама в полной тишине распечатывает конверт.

– Иисусе! – восклицает она, вынимая брошюру с золотым тиснением. – Что это? Курорт Меридьен?

Что-то падает прямо ей в руки. Мама на секунду закрывает глаза.

– Билеты до Парижа?! Керри!

Значит, все-таки сделала. Испортила мне праздник. Теперь мой подарок ничего не стоит.

– Вам обоим, – добавляет Керри с некоторым самодовольством. – Тебе и дяде Брайану.

– Керри! Ты такое золото! – потрясенно констатирует отец.

– Говорят, там совсем неплохо, – продолжает Керри с довольной улыбкой. – Пятизвездочный отель, у шеф-повара три звезды Мишлена...

– Просто глазам не верю, – не унимается мама, возбужденно листая брошюру. – Взгляните только на бассейн! А сад!!!

Моя открытка с цветочками лежит, забытая, среди оберточной бумаги.

И мне вдруг хочется заплакать. Она знала. Знала.

– Керри, ты знала! – выпаливаю я, не в силах сдержаться. – Я говорила тебе, что собираюсь отправить маму на курорт. Говорила! Несколько месяцев назад! В саду.

– Разве? – небрежно спрашивает Керри. – Не помню.

– Помнишь! Конечно, помнишь!

– Эмма! – одергивает меня мама. – Это просто ошибка. Верно, Керри?

– Ну естественно, – уверяет Керри с невинным видом. – Эмма, я тебя расстроила. Могу только извиниться...

– Нет необходимости извиняться, дорогая, – говорит мама. – Всякое бывает. И оба подарка просто чудесные. Оба. – Она снова поднимает мою открытку. – И кроме того, девоч-

ки мои, вы лучшие подруги! Не хотелось бы, чтобы вы ссорились, особенно в мой день рождения.

Она улыбается мне, и я пытаюсь ответить улыбкой, но в душе чувствую себя вновь десятилетней. Керри всегда умела подставить меня. С момента своего появления у нас. И что бы она ни вытворяла, все неизменно принимали ее сторону. Еще бы – бедная сиротка! Ведь у нее умерла мама! Мы все должны заботиться о ней. Поэтому у меня не было ни малейшего шанса взять верх. Ни малейшего.

Пытаясь овладеть собой, я тянусь к бокалу и делаю огромный глоток. И обнаруживаю, что украдкой поглядываю на часы. Можно убраться отсюда в четыре, если соврать, что электрички часто опаздывают, а я боюсь ехать вечером. Так что осталось продержаться всего полтора часа. Возможно, мы будем смотреть телевизор или еще что-нибудь подвернется.

– Пенни за твои мысли, Эмма, – шепчет дед, нежно глядя мою руку, и я виновато опускаю голову.

– Да ладно, – отвечаю я, растягивая губы в подобии улыбки. – Я вообще ни о чем не думала.

Впрочем, все это неважно, потому что меня ждет повышение. И тогда Нев прекратит отпускать идиотские шуточки насчет моей карьеры, а я смогу отдать долг папе. Вот это будет сцена! Фантастика! Уж тогда я всем покажу!

Я просыпаюсь в понедельник утром, настроенная абсолютно позитивно, одеваюсь в обычный рабочий костюм, иначе говоря, в джинсы и миленький топ из «Френч коннекшн».

Ну, не совсем оттуда. Честно говоря, я купила его в благотворительном магазине. Но на ярлычке стоит «Френч коннекшн». Пока не рассчиталась с папой, не имею права быть слишком разборчивой, так что не все ли равно, в какие магазины хожу? Словом, новый топ от «Френч коннекшн» стоит около пятидесяти фунтов, а этот – всего семь пятьдесят. И он практически новый!

Я весело бегу по ступенькам метро. Солнышко сияет, и я полна оптимизма. Вообразите, меня повышают! И я объявляю всем! Мама спросит: «Как дела?» – а я отвечу: «Ну... собственно говоря...»

Нет, стоит подождать, пока я приеду домой и с небрежным видом вручу родителям свою новую визитку.

А может, подкачу прямо на машине компании!

Я просто дрожу от волнения.

Вообще-то, я не уверена, есть ли машины у других ру-

ководителей... но кто знает? А вдруг директор введет новые правила? Или скажет: «Эмма, мы специально выбрали вас...»

– Эмма!

Я оглядываюсь и вижу Кэти, свою подружку из отдела кадров, которая, слегка задыхаясь, спешит за мной. Кудрявые рыжие волосы в беспорядке, в руке туфля.

– Ради всего святого, что случилось? – спрашиваю я, когда она меня догоняет.

– Дурацкая туфля, – с досадой объясняет Кэти. – Только вчера ее починила, а каблук отлетел. – Она машет каблуком у меня под носом. – Заплатила шесть фунтов за этот каблук! Господи, это не день, а сплошные несчастья! Молочник забыл оставить молоко, а уик-энд был просто кошмарным...

– А мне казалось, что ты проводишь его с Чарлзом, – удивляюсь я. – Разве не так?

Чарли – последнее увлечение Кэти. Они встречаются уже несколько недель, и он вроде как пригласил ее в свой загородный дом, который ремонтирует по выходным.

– Настоящий ужас! Не успели мы приехать, как он заявил, что пойдет играть в гольф.

Я, как преданная подруга, мгновенно стараюсь отыскать в намерениях Чарлза положительный мотив.

– И что тут такого? По крайней мере он ведет себя неприужденно в твоём присутствии. И это уже плюс.

– Может быть... – все еще сомневается Кэти. – Но потом

он спросил, как насчет того, чтобы немного помочь, пока его не будет. Я сказала «конечно-конечно», и представляешь, он вручает мне кисть, три банки краски и говорит, что, если потороплюсь, как раз успею покрасить гостиную.

– Что?!

– Вернулся только в шесть и нахально заявил, что я выкрасила стены кое-как! – жалобно восклицает Кэти. – Но это неправда! Я только немного смазала в одном месте, и то потому, что дурацкая лестница слишком коротка.

– Кэти, ты хочешь сказать, что действительно выкрасила комнату? – поражаюсь я.

– Ну... да, – признается она, поднимая на меня огромные голубые глаза. – Нужно же помочь... только теперь я вдруг подумала... что, если он просто меня использует?

Я чуть дара речи не лишилась. Просто ушам не верю!

– Кэти, конечно, он тебя использует! – заверила я ее наконец. – Ему нужен бесплатный мастер-отделочник. Брось ты его! Немедленно! Сейчас!

Кэти отвечает не сразу, и я немного нервничаю. Лицо ее ничего не выражает, но я отчетливо вижу, что она вся бурлит. Немного похоже на тот эпизод, когда в «Челюстях» гигантская акула исчезает под вспенившейся водой, и вы понимаете, что в любой момент...

– О боже, ты права! – взрывается она внезапно. – Как ты права! Он использует меня! Мне следовало понять это, когда он спрашивал, умею ли я управляться с сантехникой и

чинить крышу!

– И когда он это спрашивал? – допытываюсь я.

– На первом же свидании! Я думала, он... ну, понимаешь... просто ищет тему для разговора.

– Кэти, это не твоя вина. – Я стискиваю ее руку. – Откуда тебе было знать?!

– Что со мной такое? – в отчаянии спрашивает она, останавливаясь посреди тротуара. – Почему ко мне вечно липнет всякое дерьмо?!

– Неправда!

– Правда! Вспомни-ка мужчин, с которыми я встречалась! – Она начинает загибать пальцы. – Дэниел занял у меня денег и смылся в Мехико. Гэри послал меня, как только я нашла ему работу. Дэвид изменял. Не находишь, что это уже диагноз?

– Я... Ну... – беспомощно протягиваю я, – возможно...

– Наверное, мне следует сдаться, – мрачно вздыхает Кэти. – Я никогда не найду никого приличного.

– Нет, – мгновенно заверяю я. – Не смей опускать руки. Кэти, я точно знаю, что твоя жизнь изменится к лучшему! Ты встретишь прекрасного, доброго, чудесного человека...

– Но где? – вздыхает она.

– Не знаю... – Я привычно скрещиваю пальцы за спиной. – Но уверена, что так обязательно будет. У меня предчувствие.

– Правда? – тихо радуется Кэти. – Честное слово?

– Честное-пречестное.

Я лихорадочно соображаю, что бы еще сказать.

– Послушай, у меня идея! Почему бы тебе не попробовать пообедать где-нибудь в другом месте? Совершенно другом! А вдруг ты там с кем-нибудь познакомишься?

– Ты так считаешь? – нерешительно спрашивает Кэти. – О'кей. Попытаюсь.

Она снова вздыхает, и мы пускаемся в путь.

– Единственное, что случилось хорошего в этот уик-энд, – добавляет она, когда мы добираемся до угла, – я довязала мой новый топ. Крючком! Ну, что ты думаешь?

Она гордо снимает жакет, поворачивается, и я молча гляжу на нее, не зная, что сказать.

Не то чтобы я не любила вязаные вещи...

Ладно. Дело в том, что я действительно не люблю вязаные вещи.

Особенно розовые ажурные топы с круглым вырезом. Черт возьми, да у нее весь лифчик наружу!

– По...поразительно, – выдыхаю я. – Фантастика!

– Правда здорово? – довольно улыбается она. – И я так быстро управилась! Теперь возьмусь за такую же юбку.

– Потрясающе. Просто шик.

– О, какое там! Но мне нравится.

Кэти скромно улыбается и снова надевает жакет.

– Ну а как у тебя? – вспоминает она, когда мы переходим улицу. – Хорошо провела выходные? Еще бы! Держу пари, Коннор был необычайно романтичен! Повел тебя ужинать

или что-то в этом духе.

– Честно говоря, он попросил меня перебраться к нему, – признаюсь я.

– В самом деле? – Кэти с едва уловимой завистью смотрит на меня. – Господи, Эмма, вы идеальная пара! Глядя на вас, я готова поверить, что и у меня все будет хорошо. У тебя все так легко получилось!

Я ощущаю легкий укол удовольствия. Мы с Коннором идеальная пара. Образцы для подражания.

– Все не так уж легко, – застенчиво улыбаюсь я. – То есть мы, бывает, спорим, как все остальные.

– Удивительно! Я никогда не видела, чтобы вы спорили.

– Ну что ты! Все бывает.

Я лихорадочно роюсь в памяти, пытаюсь сообразить, когда мы с Коннором в последний раз ссорились. Нет, мы, конечно, ругались. Сотни раз. Как все парочки. Что вполне естественно.

Брось, это глупо. Мы должны...

Да. В тот раз, у реки, когда я считала, что большие белые птицы – это гуси, а Коннор утверждал, что лебеди. Точно. Значит, все вполне нормально. Я это знала.

Мы подходим к зданию «Пэнтер», и, поднимаясь по ступенькам из светлого камня, с гранитными пантерами, летящими в прыжке, я начинаю дергаться. Пол потребует полного отчета о совещании с «Глен ойл».

И что я скажу?

Придется быть предельно честной и откровенной. Но при этом всей правды не говорить...

– Эй, посмотри!

Голос Кэти возвращает меня к реальности. Через стеклянный фасад видно, что в вестибюле царит суматоха. Странно. Что происходит?

Господи, неужели пожар или что-то в этом роде?

Мы с Кэти проталкиваемся через тяжелые вращающиеся стеклянные двери и с недоумением переглядываемся. Настоящий хаос. Люди носятся туда и обратно, кто-то натирает медные перила, уборщица моет искусственные растения, а Сирил, старший офис-менеджер, заталкивает людей в лифты.

– Не могли бы вы разойтись по кабинетам? Не нужно толпиться в вестибюле! Вам давно следует сидеть за своими столами. Здесь не на что смотреть! Прошу вас, поднимайтесь к себе!

– Что тут творится? – шепотом спрашиваю я у охранника Дейва, как обычно стоящего у стены с чашкой чаю. Он шумно отхлебывает и широко улыбается.

– Приезжает Джек Харпер.

– Что? – восклицаем мы с Кэти в один голос. – Сегодня? Вы это серьезно?

В мире «Пэнтер корпорейшн» это приравнивается к визиту самого Папы Римского в какую-нибудь епархию. Или Сан-

та-Клауса под Новый год. Джек Харпер – один из отцов-основателей «Пэнтер корпорейшн». Он изобрел «Пэнтер-колу». Я знаю это, потому что напечатала миллион рекламных объявлений, где говорилось о том, как «в 1987 году молодые энергичные деловые партнеры Джек Харпер и Питер Ледлер купили дышавшую на ладан компанию “Зут” по производству прохладительных напитков, переименовали “Зута-колу” в “Пэнтер-колу” и придумали слоган “Не останавливайся!”», войдя тем самым в историю маркетинга.

Неудивительно, что Сирил на ушах стоит.

– Минут через пять, – объявляет Дейв, сверяясь с часами. – Хотите верьте, хотите нет.

– Но... как это? – не понимает Кейт. – Ни с того ни с сего...

Глаза Дейва лукаво искрятся. Он, похоже, все утро сообщал эту новость всем и каждому и теперь пребывает в восторге от себя самого.

– Наверное, хочет сам проверить, как идут дела в королевстве.

– А я думала, он уже отошел от дел, – острит Джейн из бухгалтерии. Она подбежала к нам, не успев снять пальто, и жадно прислушивается. – Мне говорили, что, когда умер Пит Ледлер, он так страдал, что решил жить затворником и удалился на ранчо или куда-то там еще.

– Это было три года назад, – напоминает Кейт. – Может, сейчас ему уже лучше.

– Скорее всего, хочет нас перепродать, – мрачно предпрещает Джейн.

– С чего бы это?

– Кто знает, как дело обернется.

– А я считаю, – начинает Дейв, и все мы дружно вытягиваем шеи, – он желает удостовериться, что все растения чисто вымыты. – Он кивком показывает на Сирила, и мы нагло хихикаем.

– Поосторожнее! – рывкает Сирил. – Не повредите стебли! А вы? Что вы там делаете?

– Уже идем, – заверяет Кейт, и мы плетемся к лестнице, которой я обычно пользуюсь, чтобы не тратить время на тренажеры. Помогает и то, что отдел маркетинга на первом этаже. Мы как раз добираемся до площадки, когда Джейн визжит:

– Смотрите! О господи! Это он!

К зданию мягко подкатывает лимузин и останавливается у стеклянных дверей.

Интересно, что такого особенного в некоторых машинах? Почему они выглядят такими сверкающими и безупречными, словно сделаны из совершенно иного металла, чем обычные автомобили?

Двери лифта на другом конце вестибюля раздвигаются как по волшебству, и оттуда появляется наш директор Грэм Хиллингтон в сопровождении исполнительного директора и еще шестерых, в безупречных темных костюмах.

– Довольно, – шипит Сирил на несчастных уборщиц. – Убирайтесь! Оставьте все это!

Мы трое затаились и исподтишка, как дети, подглядываем за происходящим. Дверца лимузина открывается, и оттуда выходит высокий светловолосый мужчина в синем пальто, темных очках и с ну о-о-о-очень дорогим портфелем в руке.

Вот это да! Он выглядит на миллион долларов!

Грэм Хиллингтон и его спутники уже на крыльце. Они выстроились в ряд на ступенях. По очереди пожимают ему руку и провожают в вестибюль, где уже ждет Сирил.

– Добро пожаловать в «Пэнтер корпорейшн», Соединенное Королевство, – важно провозглашает он. – Надеюсь, путешествие было приятным?

– Не слишком плохим, спасибо, – отвечает блондин с американским акцентом.

– Как видите, у нас тут обычный рабочий день...

– Эй, смотрите, – шепчет Кэти, – Кенни застрял за дверями.

И вправду, на крыльце нерешительно мнется Кенни Дейви, один из дизайнеров, не зная, заходить или нет. И дернул же его черт натянуть сегодня джинсы и бейсбольные ботинки!

Кенни делает шаг к дверям, отступает, снова подходит поближе и неуверенно заглядывает в вестибюль.

– Заходите, Кенни, – приглашает Сирил, свирепо улыбаясь. – Это один из наших дизайнеров, Кенни Дейви. Вам сле-

довало быть на месте десять минут назад. Впрочем, неважно.

Он подталкивает ошарашенного Кенни к лифтам, поднимает голову и раздраженным жестом прогоняет нас.

– Пойдемте, – говорит Кэти, – а то хуже будет.

И мы, стараясь не смеяться, бежим к себе.

Атмосфера в отделе маркетинга немного напоминает ту, что воцарялась в моей спальне перед очередной вечеринкой, в классе этак шестом. Все причесываются, душатся, перетаскивают со стола на стол кипы бумаг и возбужденно перешептываются. Проходя мимо офиса Нила Грегга, занимающегося рекламой, я вижу, как он старательно выстраивает на столе свои награды за эффективность методов маркетинга, а его референт Фиона протирает рамки фотографий, на которых он пожимает руку знаменитостям.

Я едва успеваю повесить пальто, как Пол, начальник нашего отдела, оттаскивает меня в сторону.

– Что ты натворила в «Глен ойл»? Сегодня я получил очень странное электронное сообщение от Дуга Гамильтона. Ты вылила на него газировку?

От ужаса я застываю на месте. Дуг Гамильтон донес Полу? Он же обещал!

– Все было не так, – поспешно заверяю я. – Просто пыталась показать все преимущества «Пэнтер прайм» и... и вроде как пролила его.

Пол вскидывает брови, и вид у него при этом совсем не

дружелюбный.

– Ладно. Видно, я слишком многого от тебя хотел.

– Вовсе нет, – возражаю я. – То есть все было бы прекрасно, но... Честное слово, если вы дадите мне еще шанс, я сделаю все, как надо. Обещаю.

– Посмотрим. – Он сверяется с часами. – Займись делом. На твоём столе настоящая помойка.

– О'кей. Э... в котором часу моя аттестация?

– Эмма, на случай, если ты не слышала: сегодня приезжает Джек Харпер, – саркастически сообщает Пол. – Но, конечно, если считаешь, что твоя аттестация важнее, чем тот парень, который основал компанию...

– Я не хотела... я только...

– Иди и наведи порядок на столе, – устало роняет Пол. – И если прольешь долбаный «Прайм» на Харпера, ты уволена.

Я спешу к столу, едва не сбивая с ног взъерошенного Сирила.

– Внимание! – объявляет он, хлопнув в ладоши. – Внимание все! Это неформальный визит, только и всего. Мистер Харпер придет, возможно, поговорит кое с кем, посмотрит, что вы делаете. Поэтому прошу вас, ведите себя как обычно, но при этом будьте на высоте. Чьи это бумаги? – неожиданно рывкает он, тыча пальцем в аккуратную стопку пробных оттисков в углу, рядом со столом Фергюса Грейди.

– Это... эскизы для новой рекламной кампании «Пэнтергам», – бормочет Фергюс, парень талантливый, но ужасно за-

стенчивый. – У меня места на столе не хватает.

– Прекрасно, но не могут же они оставаться здесь. – Сирил подхватывает стопку и сует Фергюсу. – Спрячьте их. Немедленно. Так вот, если он задаст вопрос, постарайтесь быть вежливыми и естественными. И я требую, чтобы, когда он появится, все работали. Выполняйте обычные задания, как будто ничего не происходит.

Он рассеянно осматривается.

– Кто-то может сидеть на телефоне, кто-то печатать на компьютере, а двое... или трое – даже устроить производственное совещание. Помните: этот отдел – сердце компании. «Пэнтер корпорейшн» славится блестящим маркетингом.

Сирил замолкает, и все мы молча пялимся на него.

– Давайте! – Он снова хлопает в ладоши. – Нечего стоять! Вы! – Показывает на меня. – Ну же! Шевелитесь!

О господи! У меня на столе просто свинарник!

Открываю ящик, сметаю туда бумаги и в легкой панике начинаю наводить порядок в подставке для ручек и карандашей. За соседним столом Артемис Харрисон подкрашивает губы.

– Встреча с ним поистине вдохновляет! – сообщает она, любуясь своим отражением в зеркальце. – Знаешь, куча народу считает, что он лично изменил традиционные представления о практике маркетинга. – Ее взгляд падает на меня. – Новый топ, Эмма? Откуда?

– «Френч коннекшн», – отвечаю я после небольшой паузы.

– Я была там в субботу, – бросает она, с подозрением всматриваясь в мой топ. – Но такого фасона не видела.

– Возможно, все уже распродано.

Я отворачиваюсь и делаю вид, что роюсь в верхнем ящике.

– Как к нему обращаться? – волнуется Кэролайн. – «Джек» или «мистер Харпер»?

– Пять минут наедине с ним, – лихорадочно бормочет в телефонную трубку Ник, один из руководителей службы. – Все, что мне нужно. Пять минут, чтобы изложить идею насчет сайтов. Иисусе, если он согласится...

Господи, общее волнение просто заразительно!

Чувствуя новый прилив адреналина, я непроизвольно тянусь к расческе и проверяю, не стерся ли блеск с губ. Понимаете, никогда не знаешь, как дело обернется. Может, Харпер каким-то образом увидит во мне скрытые возможности? Выделит из толпы?

– О'кей, ребята, – говорит Пол, врываясь в отдел. – Он на нашем этаже. Сначала зайдет к руководству...

– Займитесь повседневными обязанностями! – шипит Сирил. – Немедленно!

Вот черт! Что такое «повседневные обязанности»?

Я поднимаю трубку и нажимаю кнопку голосовой почты. Могу же я прослушать сообщения!

Оглядываюсь и вижу, что остальные делают то же самое.

Но не можем же мы все говорить по телефону! До чего же глупо!

Я включаю компьютер и жду, пока загорится монитор.

Пока я наблюдаю, как экран меняет цвет, Артемис громко говорит:

– Думаю, суть концепции – в живости. Энергии, я бы сказала, – уточняет она, то и дело поглядывая на дверь. – Ты понимаешь, о чем я?

– Ну... да, – запинаясь Ник. – Видишь ли, в современной маркетинговой среде необходимо... гм... добиваться сплава стратегии и прогрессивного видения...

Боже, что-то мой компьютер едва тянет сегодня! Вот-вот появится Джек Харпер, а я, как идиотка, смотрю на пустой экран.

Придумала! Я знаю, что буду делать! Стану Той, Кто Идет За Кофе.

Что может быть естественнее этого?

– Пожалуй, принесу кофе, – смущенно бормочу я, поднимаясь.

– И на мою долю тоже, если не возражаешь, – просит Артемис, на секунду отвлекаясь от разговора. – Так или иначе, на курсах делового администрирования...

Кофейный автомат стоит у входа в отдел, в специальной маленькой нише. Дожидаясь, пока ядовитая жидкость наполнит мою чашку, я поднимаю глаза и вижу, как Грэм Хиллингтон выходит из административного отдела в сопровожд-

дении двух подчиненных. Дерьмо! Он идет!

Ладно. Сохраняй хладнокровие. Смотри, как льется бурая струйка. Держись естественно, спокойно...

А вот и он, со своими блондинистыми волосами, дорогим костюмом и темными очками. К моему удивлению, он отступает в сторону, давая дорогу... кому?

Надо же, никто на него не смотрит. Все внимание отдано другому типу. Парню в джинсах и черном свитере с высоким воротом, только что вышедшему в коридор.

Я зачарованно смотрю, как он поворачивается. И, увидев его лицо, чувствую мощный удар, словно в грудь только что врезался мяч для боулинга.

О господи!

Это он.

Те же темные глаза. Те же морщинки вокруг них. Щетина исчезла. Но это определенно он.

Незнакомец из самолета.

Что он здесь делает?

И почему все так лебезят перед ним? Он что-то говорит, а они ловят каждое слово.

Он снова поворачивается, и я инстинктивно прячусь за угол, пытаясь взять себя в руки.

Что он здесь делает?

Неужели...

Этого быть не может!

Этого просто быть не может.

Едва передвигая ноги, я возвращаюсь к себе, стараясь не уронить чашки.

– Эй, – говорю я Артемис чуть громче, чем требуют обстоятельства, – ты знаешь, как выглядит Джек Харпер?

– Нет, – пожимает она плечами, беря чашку. – Спасибо.

– Брюнет, – сообщает кто-то.

– Брюнет? – Я с трудом глотаю кофе. – Не блондин?

– Он идет сюда, – шипит Кэролайн. – Идет!

Я падаю в кресло и пью кофе, обжигаясь, не чувствуя вкуса.

– ...наш глава службы маркетинга и продвижения товаров Пол Флетчер, – доносятся до меня слова Грэма.

– Рад познакомиться, Пол, – звучит знакомый голос с американским акцентом.

Это он. Честное слово, он.

О'кей, не сходи с ума. Может, он тебя и не запомнил. Подумаешь, один короткий полет. Он скорее всего полжизни проводит в воздухе.

– Внимание! – Пол ведет его в центр офиса. – Я счастлив представить нашего отца-основателя, человека, оказавшего огромное воздействие на целое поколение специалистов по маркетингу, – Джека Харпера!

Взрыв аплодисментов, и Джек Харпер, улыбаясь, качает головой:

– Пожалуйста, никакой суеты. Занимайтесь своими обычными делами.

Он начинает обходить офис, время от времени останавливаясь, чтобы поговорить с кем-то. Пол идет рядом, представляя сотрудников, а за ними бесшумно следует блондин.

— Он уже здесь, — шепчет Артемис, и все сидящие в нашем углу цепенеют.

Мое сердце готово выскочить из груди. Я вжимаюсь в спинку кресла, стараясь спрятаться за компьютер. Может, он меня не узнает. Может, не вспомнит. Может, не...

Ужас. Он смотрит на меня. В глазах мелькает удивление, брови ползут вверх.

Узнал.

«Пожалуйста, только не подходи, — молюсь я мысленно. — Пожалуйста...»

— Кто это? — спрашивает он у Пола.

— Эмма Корриган, одна из ассистентов нашего отдела.

Он направляется к нам. Артемис захлопнула рот. Все уставились на меня. Я багровою от смущения.

— Здравствуйте, — вежливо приветствует он.

— Здравствуйте, — выдавливаю я, — мистер Харпер.

Ладно. Он узнал меня. Но вряд ли запомнил все, что я наболтала. Бессвязные реплики невменяемой особы в соседнем кресле. Кому это вообще надо? Может, он даже не слушал меня.

— И чем вы занимаетесь?

— Я... э... помогаю сотрудникам... внедрять... новые методы... сбыта... — сбивчиво сообщаю я.

– На прошлой неделе мы посылали Эмму в Глазго, – вмешивается Пол, одарив меня фальшивой улыбкой. – Мы стараемся как можно активнее вводить младший персонал в круг дела.

– Весьма мудро, – кивает Харпер.

Взгляд его скользит по моему столу и зажигается явным интересом, когда наталкивается на пластиковую чашку. Харпер поднимает голову, и наши глаза встречаются.

– Как кофе? – любезно спрашивает он. – Вкусный?

И в моей голове словно прокручивается запись собственной идиотской трескотни: «Кофе на работе – самая что ни на есть омерзительная бурда, которую в рот не возьмешь, чистая отравка...»

– Очень! – не моргнув глазом вру я. – Просто великолепный.

– Рад это слышать, – с улыбкой отвечает он, и я чувствую, что снова краснею.

Он помнит. Черт! Он помнит!

– А это Артемис Харрисон, – говорит Пол. – Одна из лучших молодых специалистов по маркетингу.

– Артемис, – задумчиво повторяет Джек, подходя к ее рабочей станции. – Какой у вас красивый стол, Артемис. Новый?

«...новый письменный стол привезли вчера, а она вот так взяла и внаглую заняла его...»

Он помнит все. До последнего слова.

О боже. Что же, мать твою, я еще наговорила?

Я сижу, боясь пошевелиться, пока Артемис выпендривается перед Харпером. Несмотря на то что я изображаю благодетельную, примерную служащую, думаю совсем не о работе. Клубок моих мыслей лихорадочно отматывается назад. Неужели я выложила все?

Именно.

Именно все!

Всю подноготную.

Какие трусики ношу, какое мороженое люблю, как потеряла девственность и...

Кровь стынет в жилах.

Я припоминаю то, что не должна была говорить ни в коем случае.

Не только ему.

Вообще кому бы то ни было.

«...мне не следовало так поступать, но уж очень хотелось получить работу...»

Я призналась ему, что зависила в своей биографии оценку по математике!

Ну все. Я труп.

Он меня уволит.

И напишет в характеристике, что я лживая мошенница, и никто больше не даст мне работы, и кончится тем, что я попаду в документальный фильм о людях самых непрестижных профессий в Англии, и все увидят меня на экране – в

роли... скотницы, например. Буду вычищать коровье дерьмо и фальшиво улыбаться: «Поверьте, это не так уж плохо...»

Ладно. Только не паниковать. Должен же быть какой-то выход. Я извинюсь. Да. Именно. Скажу, что это была ошибка, о которой я глубоко сожалею, и что не собиралась вводить компанию в заблуждение...

Нет. Лучше сказать так: «Собственно говоря, я и получила А! Ха-ха, какая я дуручка, все забыла!»

А потом купить набор для чистописания, подделать аттестат – и дело в шляпе. Он американец. Что взять с американца? Все равно ничего не поймет.

Нет. Он докопается. О боже, боже.

О'кей, может, я принимаю слишком близко к сердцу всю эту историю? Давай разложим все по полочкам. Джек Харпер – о-о-огромная шишка. Взгляните только на него! Ку-ча лимузинов, лакеев, гигантская компания, ежегодно приносящая миллионы. Нужны ему вшивые отметки какого-то жалкого ассистента. Нет, честно!

И тут нервы меня подводят.

Я вдруг начинаю громко смеяться, и Артемис как-то странно на меня смотрит.

– Я только хотел сказать, что очень рад познакомиться с вами, – говорит Джек Харпер, оглядывая притихший офис. – И представить вам своего помощника Свена Петерсена. – Он показывает на блондинистого парня. – Я пробуду здесь несколько дней, так что надеюсь кое-кого узнать лучше.

Как вам известно, Пит Ледлер, основавший вместе со мной корпорацию, был англичанином. Это одна из причин, почему Великобритания всегда играла такую важную роль в моей жизни.

По комнате пролетает сочувственный шепоток. Он поднимает руку, кивает и идет к двери. Свита тянется за ним.

Молчание длится ровно до того момента, когда дверь за ними захлопывается. И тут же вскипает бурное обсуждение.

Я слабею от облегчения. Слава богу. Слава богу!

Нет, правда, какая я все-таки идиотка! Вбить себе в голову, пусть на секунду, что Джек Харпер запомнит мою болтовню. Да еще и переживать из-за этого! Можно подумать, он отвлечется от действительно важных дел, чтобы беспокоиться о том, сфальсифицировала какая-то ничтожная дурочка свое резюме или нет.

– Эмма!

Я поднимаю глаза и вижу перед собой Пола.

– Джек Харпер хочет тебя видеть, – коротко говорит он.

– Что? – Моя улыбка меркнет. – Меня?

– Комната для совещаний, через пять минут.

– Он сказал зачем?

– Нет.

Пол отходит, а я невидяще смотрю на экран и борюсь с тошнотой.

Мне дурно.

Значит, я с самого начала была права.

Прощай, работа.

Я потеряю работу из-за какого-то дурацкого признания во время какого-то дурацкого полета!

Ну зачем мне понадобилось лезть в этот бизнес-класс? Зачем понадобилось разевать свой кретинский рот? Я просто глупое, глупое трепло!

– Зачем это ты понадобилась Джеку Харперу? – с оскорбленным видом допытывается Артемис.

– Не представляю.

– А еще кого-нибудь он вызывает?

– Не знаю, – рассеянно бросаю я и, чтобы избежать дальнейших расспросов, принимаюсь наугад тыкать пальцами в клавиатуру, перебирая в уме варианты развития событий.

Я не могу потерять эту работу. Позорно провалить еще одну карьеру.

Он не может уволить меня. Просто не может.

Это несправедливо. Я не знала, кто он. Конечно, если бы он честно, с самого начала сказал, кто он на самом деле, я бы никогда не упомянула о резюме. И... вообще ни о чем.

Тем более что я никогда и не подделывала свои дипломы или степени, верно?

И не имею уголовного прошлого и судимостей. Я хороший работник. В самом деле стараюсь, как могу, и не так уж часто сачкую. Засиживалась в офисе, когда шла рекламная кампания спортивной одежды; организовала рождественскую лотерею...

Я печатаю быстрее и быстрее и от волнения заливаюсь краской.

– Эмма! – Пол многозначительно смотрит на часы. – Пора. Я вздыхаю и встаю.

Не позволю меня уволить! Просто не дам!

Я направляюсь к двери, иду по коридору к совещательной комнате, стучу и толкаю дверь.

Джек Харпер сидит за столом для переговоров и что-то царапает в блокноте. Я подхожу ближе. Он поднимает глаза. Лицо у него такое мрачное, что у меня внутри все переворачивается.

Но я должна защищаться. Мне необходима эта работа.

– Привет, – произносит он. – Не могли бы вы закрыть дверь? – Он терпеливо дожидается, пока я выполню просьбу, прежде чем объявить: – Эмма, нам нужно кое о чем поговорить.

– Прекрасно вас понимаю, – отвечаю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, – но хотела бы высказаться первой, если позволите.

Джек Харпер на какой-то миг теряется, но тут же насмешливо вскидывает брови:

– Разумеется. Валяйте.

Я смело шагаю к столу, делаю глубокий вдох и смотрю Харперу прямо в глаза:

– Мистер Харпер, я знаю, зачем вы меня сюда пригласили. Да, я была не права. Глупый просчет, о котором я глубоко

сожалею. Прошу простить меня. Этого больше не повторится. Но в оправдание... – Мой голос звенит от переполняющих меня эмоций. – В оправдание могу сказать, что тогда я понятия не имела, кто вы. И мне не кажется, что я должна быть наказана за невольную, хоть и глупую ошибку.

Следует пауза.

– Думаете, я собираюсь вас наказывать? – хмурясь, спрашивает наконец Джек Харпер.

Какая жестокость! Как он может быть таким бесчеловечным?!

– Да. Вы должны понять, что я никогда не упомянула бы о деталях своей биографии, если бы знала, кто вы! Это... это все равно что ловушка для мух! И если бы все это происходило в суде, судья не признал бы это доказательством! Вам бы даже не позволили...

– Ваша биография? – Со лба Харпера исчезает морщинка. – А! Отличная оценка в вашем резюме! – Он пронзает меня осуждающим взглядом. – Должен заметить, это фальсификация.

Слышать это невыносимо. Лицо горит все сильнее.

– Знаете, многие сочли бы это мошенничеством, – добивает меня Джек Харпер, разваливаясь в кресле.

– Вероятно. И я сознаю, что поступила нехорошо. Мне следовало... Но на мою работу это не влияет и вообще ничего не значит.

– Вы так считаете? – Он задумчиво покачивает головой. –

Не знаю. Изменить оценку с С на А... Ничего себе прыжок!
А если нам понадобятся математические вычисления?

– Я знаю математику! – выпаливаю я. – Задайте любой вопрос. Ну давайте, не стесняйтесь.

Вот так.

Его губы как-то странно подрагивают.

– Восемью девять?

Я смотрю на него: сердце трепыхается, в голове пусто. Восемью девять. О'кей. Девятью один – девять. Девятью два...

Нет. Лучше так: восемью десять – восемьдесят. Минус восемь... это...

– Семьдесят два! – кричу я и сжимаюсь, когда замечаю легкую улыбку. – Семьдесят два, – повторяю я уже спокойнее.

– Прекрасно. – Он вежливо показывает на стул. – Итак, вы закончили свою речь или хотите добавить что-то еще?

Я смущенно тру щеку.

– Вы... вы не уволите меня?

– Нет, – терпеливо отвечает Джек Харпер. – Не собираюсь. Теперь мы можем поговорить?

И тут в мою несчастную голову закрадывается ужасное подозрение.

– Вы... – Я откашливаюсь. – Вы хотели меня видеть из-за резюме?

– Нет, – мягко говорит он. – Не из-за резюме.

Я готова умереть.

Умереть прямо здесь и сейчас.

– Ясно.

Приглаживаю волосы, пытаюсь собраться с мыслями. Надо взять себя в руки. Выглядеть сдержанной и деловой.

– Ясно. Так что же вы...

– Хочу просить вас о небольшом одолжении.

– Ясно! – Я мгновенно оживляюсь. – Все что угодно. Но... что именно?

– По некоторым причинам, – медленно начинает Джек Харпер, – я предпочел бы, чтобы никто не знал о моей поездке в Шотландию на прошлой неделе.

Наши глаза встречаются.

– Мне очень хотелось бы сохранить нашу встречу в секрете.

– Конечно, – киваю я, немного помолчав. – Разумеется. Я буду молчать.

– Вы никому не говорили?

– Нет. Никому. Даже своему... словом, ни одному человеку. Никому.

– Прекрасно. И большое спасибо. Я ценю вашу сдержанность. – Он улыбается и встает. – Рад был снова встретиться с вами, Эмма. Уверен, мы еще не раз увидимся.

– Это все? – ошеломленно спрашиваю я.

– Все. Если вы ничего больше не желаете обсудить.

– Нет! – Я поспешно вскакиваю и больно ударяюсь щиколоткой о ножку стола.

Ну а что я себе вообразила? Что он попросит меня возглавить новый перспективный международный проект?

Джек Харпер вежливо открывает мне дверь. Уже у выхода я оборачиваюсь:

– Погодите...

– В чем дело?

– Что мне ответить, если спросят, зачем вы меня вызывали?

– Почему бы не сказать, что мы обсуждали проблемы логистики? – предлагает он и закрывает дверь.

До конца дня в офисе царил праздничная атмосфера. Одна я сижу на месте, не в силах поверить в случившееся. И даже вечером, по пути домой, мое сердце по-прежнему колотится – слишком необычный оказался день.

И как все несправедливо!

Он чужой, незнакомый человек. И должен был таким оставаться. Весь смысл разговоров с незнакомцами заключается в том, что они растворяются в воздухе и никогда больше не возвращаются. Не появляются в вашем офисе. Не спрашивают, сколько будет восемью девять. Не оказываются вашим мегабоссом и работодателем.

Что ж, могу сказать: пусть это будет мне уроком. Недаром родители всегда твердили: не разговаривай с незнакомыми людьми, не разговаривай с незнакомыми людьми. И были правы. Больше я слова не скажу незнакомцу. Ни за что.

Сегодня мы с Коннором договорились встретиться у него в квартире, и, переступив порог, я чувствую, как становлюсь легкой, словно воздушный шарик. Какое счастье оказаться подальше от офиса! От бесконечных разговоров о Джеке Харпере. И Коннор уже готовит ужин. Просто рай!

Из кухни распространяются восхитительные запахи трав и чеснока, а на столе уже ждет бокал с вином.

– Привет! – восклицаю я, целуя Коннора.

– Привет, дорогая, – кивает он, не отходя от плиты.

Черт! Я совсем забыла сказать «дорогой»! Как же мне это запомнить?

Идея! Запишу на руке!

– Взгляни. Я скачал это из интернета, – объявляет Коннор, широко улыбаясь и показывая на папку.

Я открываю ее и вижу зернистый черно-белый снимок комнаты с диваном и каким-то растением в горшке.

– Квартирные объявления... – растерянно констатирую я. – Здорово! Быстро ты справился! А я еще даже не предупредила хозяйку о переезде!

– Нужно же когда-нибудь начинать, – резонно возражает Коннор. – Смотри. Здесь балкон. А вот квартира с действующим камином.

– Отпад!

Я сажусь на ближайший стул и разглядываю нечеткий снимок, пытаюсь представить себя в этой квартире вместе с Коннором. Здесь мы будем проводить все вечера. Только вдвоем. И так неделя за неделей. А может, месяц за месяцем...

Интересно, о чем мы будем разговаривать?

Ну... о том же, что и всегда.

Может, поиграем в «Монополию». Если вдруг станет скучно.

Я переворачиваю листок и в восхищении замираю.

В очередной квартире деревянные полы и ставни! Я всегда хотела деревянные полы и ставни. И взгляните только на

эту шикарную кухню с гранитными столешницами...

Просто фантастика! Скорее бы!

Я на радостях выпиваю бокал и начинаю устраиваться поудобнее, и тут Коннор вдруг объявляет:

– Совсем забыл! Правда, занятно, что Джек Харпер вздумал наконец показаться?

О боже! Пожалуйста. Больше никаких разговоров о чертовом Джеке Харпере!

– Ты видела его? – интересуется Коннор, подходя с мисочкой арахиса. – Я слышал, он заходил в ваш отдел.

– М-да, видела.

– Днем он заглянул и к нам, но я в это время был на совещании, – с сожалением вздыхает Коннор. – Какой он?

– Какой? Не знаю. Темные волосы. Американец. А как прошло совещание?

Коннор напрочь игнорирует мою попытку сменить тему.

– Да, вот это событие, – говорит он возбужденно. Лицо его сияет. – Джек Харпер...

– Наверное... – Я пожимаю плечами. – Так или иначе...

– Эмма! Неужели тебе все равно? – изумляется Коннор. – Мы говорим об основателе компании! О человеке, разработавшем концепцию «Пэнтер-колы». Взавшем неизвестный бренд, сменившем упаковку и сумевшем продать напиток всему миру! Он превратил погибающую компанию в гигантскую процветающую корпорацию! И теперь нам выпала возможность увидеть его! Разве ты не находишь это захватыва-

ющим?!

– Да, – киваю я наконец. – Ты совершенно прав. Именно захватывающе.

– Для каждого из нас это может стать величайшей возможностью, какая бывает раз в жизни. Поучиться у самого гения! Знаешь, он так и не написал книгу. Джек Харпер не делился своими мыслями ни с кем, кроме Пита Ледлера.

Он лезет в холодильник за банкой «Пэнтер-колы» и дергает за колечко. Коннор, должно быть, самый большой в мире патриот своей компании. Как-то мы поехали на пикник, и я купила пепси. Ему чуть плохо не стало.

– Знаешь, что бы мне хотелось больше всего? – вздыхает он, оторвавшись от банки. – Поговорить с ним один на один. – Коннор смотрит на меня сияющими глазами. – Один на один с Джеком Харпером! Представляешь, какой фантастический взлет карьеры?

Да уж. Беседа с Харпером совершенно точно забросила меня на самый верх служебной лестницы.

– Наверное... – нерешительно бормочу я.

– Ну еще бы! Получить шанс послушать его! Услышать, что он хочет сказать! Пойми, парень сидел взаперти три года! Какие идеи он генерировал все это время? Должно быть, накопил столько открытий и напридумывал столько теорий насчет маркетинга и бизнеса вообще... о том, как нужно работать... о самой жизни...

Восторженный голос Коннора, как соль, въедается в рас-

тертую кожу моего самолюбия. До чего же бездарно я разыграла роскошную карту! Сидела в самолете рядом с великим Джеком Харпером, созидательным гением, источником деловой и маркетинговой мудрости, не говоря уж о великих тайнах самой жизни.

И что же я сделала? Задавала исполненные смысла вопросы? Занимала его умной беседой? Познавала новое?

Нет. Несла вздор насчет того, какое белье предпочитаю. Блестящий карьерный ход, Эмма. Один из лучших!

На следующий день Коннор опять спешит на очередное совещание, но перед самым уходом выуживает откуда-то старую журнальную статью о Джеке Харпере.

– Прочти, – советует он, пережевывая тост. – Тут вся информация о нем.

Не хочу я никакой информации!

Меня так и подмывает высказать все, что думаю о Харпере, но Коннор уже исчезает за дверью.

Я хочу оставить статью дома, но до работы ехать довольно далеко, а у меня нечего почитать. Поэтому беру статью с собой и неохотно разворачиваю в метро. Что ж, довольно интересная история о том, как Джек Харпер и Пит Ледлер подружились и решили заняться бизнесом. Джек был скромным гением, а Пит – общительным плейбоем-экстравертом. Они одновременно стали миллионерами и были друг другу роднее братьев, пока Пит не погиб в автокатастрофе. Джек

был безутешен, удалился от мира и сказал, что бросает все.

Читая все это, я снова чувствую себя дурочкой. Мне следовало бы узнать Джека Харпера. Конечно, Ледлера я сразу узнала бы. Во-первых, он похож... походил на Роберта Редфорда. А во-вторых, все газеты сообщали о его гибели. Теперь я живо это вспоминаю, хотя в то время не имела никакого отношения к «Пэнтер корпорейшн». Он разбился на «мерседесе», и все говорили: «Совсем как принцесса Диана».

Я так увлеклась, что едва не проехала свою станцию, приходится в последний момент пробиваться к дверям под осуждающими взглядами всех пассажиров, явно считающих меня последней идиоткой, не способной запомнить название станции. И едва двери закрываются, я соображаю, что оставила статью на сиденье.

Ну да ладно. Я вроде как успела усвоить основную идею.

Утро выдалось солнечное, и я направляюсь к фитобару, куда частенько заглядываю перед работой. У меня вошло в привычку каждый день опрокидывать стаканчик мангового смузи, потому что это полезно.

И еще я туда заглядываю потому, что за стойкой работает очень симпатичный новозеландец Эйдан. (Честно говоря, я была немного влюблена в него еще до того, как начала встречаться с Коннором.) В свободное от работы время он посещает курсы, где изучают вопросы питания спортсменов, и вечно рассуждает о необходимых для жизни минералах,

микрорелементах и рациональном употреблении углеводов.

– Привет! – говорит он, увидев меня. – Ну, как кикбоксинг?

– О, – я слегка краснею, – лучше не бывает.

– Попробовала новые приемы, о которых я тебе рассказывал?

– Да! И мне действительно помогло!

– Я так и думал, – кивает он с довольным видом и наливают мне сок.

Ладно. Значит, дело обстоит так: я не хожу на кикбоксинг. Попробовала раз, в нашем местном центре досуга, и, честно говоря, была шокирована! Не думала, что это такое варварство! Но Эйдан ужасно воодушевился и все расписывал, как здорово это изменит мою жизнь, в результате я не смогла заставить себя признаться, что сдалась после первого же занятия. Все мои отговорки казались такими неубедительными. Так что я... вроде как соврала. Впрочем, вряд ли это так уж важно. Он никогда не узнает. Да и видимся мы только здесь, в баре.

– Один манговый смузи, – объявляет Эйдан.

– И брауни. Для... коллеги.

Эйдан щипцами кладет пирожное в пакет.

– Знаешь, этой твоей коллеге не мешает подумать об уровне сахара в крови, – озабоченно хмурится он. – Это уже... четвертое брауни на неделе?

– Четвертое, – вздыхаю я. – Обязательно ей передам. Спа-

сибо, Эйдан.

– Без проблем, – отмахивается Эйдан. – И помни: один-два – разворот.

– Один-два – разворот, – повторяю я жизнерадостно. – Обязательно запомню.

Стоит мне войти в офис, как из своего кабинета появляется Пол, прищелкивает пальцами и, показав на меня, сурово провозглашает:

– Аттестация.

Сердце мгновенно катится в пятки, и последний кусочек брауни попадает не в то горло. Я кашляю, не в силах дышать.

О боже! Вот и расплата. Я не готова.

Вдруг вспоминаю Керри и ее походочку преуспевающей женщины. Да-да, Керри – глупая корова, но у нее собственное туристическое агентство, приносящее миллионы фунтов в год. Должно быть, что-то она делает правильно. А вдруг мне тоже стоит попробовать? Я слегка выпячиваю бюст, скидываю голову и пересекаю офис с натянутым и настороженным выражением лица.

– У тебя что, критические дни? – бесцеремонно осведомляется Пол, когда я подхожу ближе.

– Нет, – потрясенно выдыхаю я.

– А выглядишь очень странно. Садись.

Он закрывает дверь, садится за стол и берет форму, озаглавленную «Результаты аттестации персонала».

– Прости, что не смог поговорить с тобой вчера. Сама ви-

дела, что тут творилось из-за приезда Джека Харпера.

– Ничего страшного.

Я пытаюсь улыбнуться, но во рту мгновенно пересыхает. Неужели я способна так нервничать? Хуже, чем на школьном экзамене!

– О'кей. Значит... Эмма Корриган. – Пол смотрит в форму и начинает ставить галочки в квадратах.

– В общем, ничего плохого сказать не могу. Обычно не опаздывает... понимает поставленные задачи... достаточно компетентна... хорошо ладит с коллегами, и так далее и тому подобное... бла-бла-бла... Имеются проблемы? – спрашивает он, подняв голову.

– Э... нет.

– Не являешься объектом расовых предрассудков?

– Нет.

– Прекрасно. – Он ставит очередную галочку. – Ну, вот и все. Молодец. Можешь идти. И пришли сюда Ника.

Что? Или он забыл?

– А... а как насчет повышения? – Я стараюсь не выказать чрезмерного волнения, хоть и заикаюсь.

– Повышения? – удивляется Пол. – Какого повышения?

– Специалист по маркетингу.

– О чем это ты, черт возьми?

– Там было сказано. В объявлении... насчет вакансии. – Я вытягиваю из кармана потертый клочок бумаги. – «Через год возможно повышение». Вот здесь.

Я кладу перед Полом объявление. Он с недоумением хмурится.

– Эмма, возможно, но не обязательно. Ты еще не готова. Сначала нужно показать себя.

– Но я стараюсь, как могу. Если бы вы только дали мне шанс...

– У тебя был шанс с «Глен ойл».

Пол высоко поднимает брови, и я чувствую, что он поражен моим нахальством.

– Повторяю: ты еще не готова к более ответственной работе. Через год посмотрим.

Год?!

– Хорошо? А теперь беги.

В мыслях у меня полный разброд. Но я должна принять поражение хладнокровно и с достоинством. Сказать что-то вроде: «Я уважаю ваше решение, Пол», – пожать ему руку и удалиться. Именно так следует поступить.

Беда в том, что я, кажется, не могу подняться со стула.

Проходит несколько мгновений.

Пол озадаченно смотрит на меня:

– Иди, Эмма.

Я не в силах шевельнуться. Если я сейчас уйду, все будет кончено.

– Эмма?

– Пожалуйста, повысьте меня в должности! – с отчаянием выпаливаю я. – Мне необходимо повышение, я должна до-

казать родным, что чего-то стою. Я буду из кожи вон лезть, обещаю вам. Буду сидеть тут в выходные и... и носить модные костюмы...

– Что?!

Пол уставился на меня с таким видом, словно я превратилась в золотую рыбку.

– Вам даже не придется мне больше платить! Я буду выполнять ту же работу, что и раньше. За свой счет закажу визитные карточки! У вас никаких расходов не будет! Вы даже не заметите, что повысили меня... – Я замолкаю, тяжело дыша.

– Думаю, рано или поздно ты поймешь, что это не аргумент для повышения, – саркастически замечает Пол. – Боюсь, что вынужден отказать. Особенно после твоей тирады.

– Но...

– Могу дать тебе совет: если хочешь подняться выше, следует самой создавать себе шансы. Искать новые возможности. А теперь, без шуток – не можешь отвалить отсюда и позвать Ника?

Уходя, я успеваю заметить, как он поднимает глаза к небу и что-то чиркает на форме.

Зашибись. Вероятно, ставит диагноз «душевнобольная психопатка, нуждается в срочной медицинской помощи».

Еле передвигая ноги, я возвращаюсь к себе. Никого не хочется видеть. Но меня перехватывает Артемис.

– Кстати, Эмма, – щебечет она, хитро поглядывая на ме-

ня, – только что звонила твоя кузина Керри.

– Неужели? – удивляюсь я.

Керри никогда не звонит мне на работу. Собственно говоря, и домой тоже.

– Просила что-нибудь передать?

– Да. Хотела знать, известно ли уже что-нибудь о твоём повышении.

Значит, теперь разнесут по всему офису. Ненавижу Керри.

– Вот как? – бросаю я скучающе, словно ничего из ряда вон выходящего не услышала. – Спасибо.

– Разве тебя повышают, Эмма? Вот не знала! – пронзительно визжит она, и я ловлю несколько заинтересованных взглядов. Сидящие рядом оборачиваются в нашу сторону. – Значит, теперь и ты будешь считаться специалистом по маркетингу?

– Нет, – бормочу я, багровея от стыда. – Не буду.

– Вот как?! – восклицает Артемис с притворным недоумением. – Так почему же она...

– Заткнись, Артемис, – обрывает Кэролайн.

Я отвечаю благодарным взглядом и падаю в кресло.

Еще год. Целый год оставаться вшивым ассистентом. И все считают, что от меня никакого толку. Еще год выплачивать долг папе, терпеть насмешки Керри и Нева и чувствовать себя полным бездарем.

Я включаю компьютер и нехотя печатаю пару слов. Но

внезапно чувствую, что выжата как лимон.

– Пойду за кофе, – вяло говорю я. – Кто-нибудь хочет кофе?

– Кофе нет, – отвечает Артемис, с любопытством поглядывая на меня. – Разве не видела?

– Что?

– Кофейный автомат убрали, – поясняет Ник. – Пока ты была у Пола.

– Убрали? – поражаюсь я. – Но почему?

– Не знаю, – бросает он, направляясь к офису Пола. – Взяли и увезли.

– У нас будет новый! – сообщает Кэрролайн, проходя мимо с охапкой эскизов. – Так сказали внизу. Самый современный. С настоящим кофе. Вроде бы сам Джек Харпер распорядился.

Я, оцепенев, смотрю ей вслед.

Джек Харпер заказал новый кофейный автомат?!

– Эмма! – нетерпеливо теребит меня Артемис. – Ты что, не слышишь? Найди брошюру, которую мы делали для рекламной компании «Теско» два года назад! Прости, мамочка, – тут же говорит она в трубку, – нужно было отдать распоряжения моему ассистенту.

Ее ассистент! Господи, я просто на стенку лезу, когда она вот так высказывается!

Но сейчас я слишком ошеломлена, чтобы обращать на это внимание.

«Все это не имеет ко мне никакого отношения», – повторяю я мысленно, роясь в шкафу с каталогами. И глупо думать, будто Харпер прислушался ко мне. Он скорее всего давно собирался поставить новый автомат. Он скорее всего...

Навьюченная грудой папок, я встаю и едва не роняю их на пол.

Он здесь.

Стоит прямо передо мной.

– Еще раз здравствуйте. – Его глаза искрятся смехом. – Как поживаете?

– Э... хорошо... спасибо... – Я с трудом сглатываю. – Только что услышала о кофейном автомате. Э... еще раз спасибо.

– Не за что.

– А теперь внимание! – восклицает вошедший следом Пол. – Мистер Харпер решил сегодняшнее утро провести в нашем отделе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.